

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РАЗВЕДКА БОЕМ

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Разведка боем

«Звягинцев Станислав»

1996

Звягинцев В. Д.

Разведка боем / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав»,
1996 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-05239-9

Группа землян вынуждена вмешаться в противостояние двух могущественных космических цивилизаций, ведь ареной для этой «борьбы титанов» является Россия с ее чудовищным большевистским экспериментом. Попытка исправить сложившуюся историческую реальность заставляет героев романа отправиться в двадцатые годы на помощь белому движению и вступить в полную невероятных приключений борьбу с всемогущей ЧК.

ISBN 5-699-05239-9

© Звягинцев В. Д., 1996

© Звягинцев Станислав, 1996

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	41
ГЛАВА 7	45
ГЛАВА 8	60
ГЛАВА 9	63
ГЛАВА 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Звягинцев

Разведка боем

*Все проходит как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем...*

Н. Гумилев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ

*Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокоцущей трубе побед?*

Н. Гумилев

ГЛАВА 1

В большой темноватой комнате, похожей своими высокими потолками, старинной мебелью, стенными панелями резного дуба и стрельчатыми окнами на холл аристократического дома или даже замка викторианской эпохи, находились два человека – мужчина и женщина. Она, одетая в сильно декольтированное атласное платье, сидела в кресле, подперев подбородок изящно изогнутой кистью руки и явно позируя, он – в рубашке с закатанными рукавами и белесых джинсах, короткими точными движениями кисти подправлял какие-то заметные только ему изъяны на почти готовом портрете.

Портрет получился интересный – вроде бы типично салонный, но с легким оттенком импрессионизма. Светлолицая и белокурая дама в бледно-лимонном платье на фоне темных драпировок выглядела особенно хрупкой и воздушной, ее изображение, словно голограмма, как бы выступало над плоскостью холста.

Видно было, что художнику нравится то, что у него получилось, и он, отложив кисть, собрался было потянуться, разминая затекшие мышцы, но вовремя опомнился – как можно при даме...

Эта сцена была бы вполне естественной и даже банальной, если бы действительно происходила в мастерской художника или в доме его заказчицы, где-нибудь среди холмов и вересковых пустошей старой доброй Англии. Но на самом деле мрачный прохладный холл был всего лишь должным образом стилизованной каютой на одной из верхних палуб океанского лайнера, за окном, если отдернуть шторы, не туманный осенний день, а солнечный летний вечер, и для того, чтобы естественно воспринимался камин с горящими в нем поленьями, кондиционер снижал тридцатиградусную жару до более подходящих к антуражу восемнадцати по Цельсию.

Ну, у богатых, как говорится, свои причуды. Куда как интереснее было бы узнать случайному очевидцу этой сцены, что молодая, похожая на графиню, а то и на герцогиню, чем черт не шутит, дама на самом деле – инопланетная пришельница, в недавнем прошлом – глубоко законспирированный резидент галактической суперцивилизации на Земле.

Впрочем, сейчас Сильвия была пусть и не простой, но обыкновенной женщиной, умнее, конечно, и красивее очень многих, но уже утратившей былое могущество.

– Долго еще, Алексей? – спросила она по-русски, но с едва уловимым акцентом, потому что по легенде действительно много лет изображала английскую аристократку. – Я уже устала...

– Минут пятнадцать еще, не больше, – ответил художник, – потерпи, пожалуйста, а то потом мне этот оттенок не поймать, уж больно интересно свет лежит...

– Хорошо, пятнадцать потерплю, раз сама напросилась. Никогда не думала, что позировать так утомительно. Но хоть разговаривать ты мне разрешаешь?

– Ради бога, только постарайся не менять позу.

Женщина вздохнула, легким движением губ и бровей изобразив полную покорность судьбе.

– Знаешь, Алексей, я давно уже собиралась с тобой поговорить откровенно. Раз у нас такие... доверительные отношения установились. С другими мне труднее, сам должен понимать. Как бы там ни было, я для них все-таки враг... – Она заметила протестующее движение Алексея и тут же поправилась: – Хорошо, не в полном смысле враг, мы вроде бы мирный договор заключили, однако и друзья твои, и их подруги ко мне как-то настороженно относятся. Один ты меня воспринимаешь естественно...

Художник с сомнением хмыкнул, но ничего не возразил, увлеченный работой.

– Нет-нет, не спорь, все так и есть. Я в людях хорошо разбираюсь, по долгу... своей бывшей службы. Ты из вашей компании самый толерантный. Наверное, профессия сказывается.

– Это какая же профессия? – снова усмехнулся Алексей.

– Твоя. Художник – человек творческий, должен уметь проникать в суть людей...

– Так я не только, а вернее, не столько художник. У меня живопись, можно сказать, хобби. На самом деле я по образованию офицер-десантник, а волею судьбы сподобился повоевать чуть ли не в маршальских чинах. Причем – довольно успешно. Военный же человек, наоборот, к сантиментам не склонен и предпочитает воспринимать мир и людей в черно-белом изображении. Так и ему проще, и для дела полезнее...

Говорил все это Алексей шутливым тоном, но чувствовалось, что не очень он и шутит.

– Не наговаривай на себя, – возразила Сильвия, – я лучше знаю. Иначе не стала бы делать то, что сделала...

Алексей отвел глаза. Очевидно, последние слова женщины его смутили. Это тоже было странно – мужественное, временами даже суровое лицо художника не давало оснований заподозрить в нем способность по-юношески смущаться от вроде бы невинных слов.

– А чем же тебе Сашка Шульгин плох? – спросил Алексей, старательно смешивая краски на палитре. – У вас с ним, кажется, тоже полное взаимопонимание...

– Никто из вас не плох, просто у каждого свой характер и в силу этого разное отношение ко мне. Да, вышло так, что судьба наиболее тесно свела меня именно с Шульгиным... – Сильвия улыбнулась несколько натянуто. – Только... Ты своего друга лучше меня должен знать. Он ведь, даже если сам это до конца не понимает, никак не может мне простить того, что случилось в Лондоне. И что бы он сейчас ни говорил и что бы почти искренне ни думал, он старается играть по отношению ко мне роль такого римского триумфатора, заполучившего в наложницы побежденную принцессу.

Алексей с удивлением отметил точность и четкость ее анализа. Он и сам ощущал нечто подобное в поведении Сашки, когда тот бывал рядом с Сильвией. А Впрочем, чему тут удивляться? Дама она более чем умная, а оказавшись в положении «варварской принцессы», попавшей в лапы недавнего врага, должна особенно остро воспринимать все оттенки слов и поступков окружающих.

– Вообще-то для меня все это не так уж и важно, – пожав плечами, продолжала женщина. – После того, как я лишилась всего, не только «положения в обществе», – последние слова она произнесла с оттенком иронии, хотя Алексей знал, что положение ее и вправду было более чем значительное, – но и родины, да что там родины, вообще всей реальности, в которой существовала, много ли значит отношение ко мне какого-то человека? Не бьют, кормят вовремя – уже слава богу...

– Ну, ты совсем в минор ударилась, – сказал Алексей, откладывая палитру и кисть. – Случилось то, что случилось, а на нас тебе вообще грех жаловаться...

– Так я же и не жалуясь, – мило улыбнулась Сильвия. – Я просто объясняю, каково реальное положение дел.

Она встала с кресла, обеими руками убрала с лица длинные пряди распущенных по замыслу художника золотистых волос.

Алексей смотрел на ее высокую и тонкую фигуру, кажущуюся еще выше и стройнее из-за длинного, до самого пола платья, на загорелую грудь, открытую глубоким вырезом декольте не меньше, чем в самых смелых современных купальниках, и вновь почувствовал, кроме понятного влечения к этой необыкновенной женщине, еще и особого рода любопытство.

Тем более что Сильвия вновь затеяла с ним свою эротическую игру, ту самую, с которой началось их близкое знакомство. Двигаясь по каюте, она вдруг на неуловимое мгновение замирала, фиксируя ту или иную позу – словно манекенщица на подиуме или фотомодель при щелчке затвора. И тут же вновь начинала двигаться текуче и плавно, до следующего стоп-кадра, распространяя вокруг ауру завуалированной и в то же время вызывающей сексуальности.

И снова Берестин попался на крючок, хотя и знал уже этот прием, и был не мальчишкой, а тридцатисемилетним, много пережившим и повидавшим мужчиной, и с обнаженной натурой работать ему было не в новинку.

Сильвия подошла к окну и отдернула плотную шелковую штору. По стеклам, обгоняя друг друга, бежали струйки дождя, а близкий берег скрыла туманная дымка.

– Наконец-то, – произнесла женщина с облегчением. – Знал бы ты, как надоедает это солнце и вечно голубое небо.

Здесь Алексей ее хорошо понимал. Он и сам терпеть не мог погоду солнечную и безветренную, предпочитая всяческие природные катаклизмы, будь то снежная пурга или летний дождь с грозой.

– Если ты не торопишься, – сказала Сильвия, поворачиваясь к художнику, – мы могли бы выпить чаю. Как раз время фэйф-о-клока. Тем более я хочу тебя кое о чем расспросить.

– Великолепно! – обрадовался Алексей. – У меня аналогичное желание. Столько в тебе непонятого для меня, а поговорить откровенно никак не получается.

– Договорились. Только сначала буду спрашивать я. Позволено даме это маленькое преимущество?

– Безусловно.

Предоставив ей заняться приготовлениями, Берестин скрылся в ванной. Оттирая специальной пастой испачканные масляной краской руки, он воображал, что и как у него сейчас произойдет с Сильвией. Он не был чересчур сексуально озабочен, просто за последние полгода, кроме одного, и то не слишком достоверного случая, с женщинами дела ему иметь не приходилось. Если, конечно, не считать сорок первого года. Там, хоть и был он в чужом теле, но с девушкой Леной любовь случилась самая настоящая. Но все-таки – для комкора Маркова. А для него – словно воспоминание о ярком сне...

Алексей представил, что сейчас он появится в холле, а там его будет ждать Сильвия – в каком-нибудь зеленовато-золотистом, отливающим, как надкрылья майского жука, халате, то ниспадающем свободными складками, то вдруг прилипающем к телу, как мокрый шелк. Воображение у него было богатое, и возбудился он достаточно, поэтому картина виделась ему

чрезвычайно реально. Она опустит руки, халат распахнется, а под ним – наряд стриптизерки. Длинные чулки, кружевной пояс с резинками, черно-красное, тоже кружевное белье, туфли на высоченных шпильках...

«Вот ерунда, – подумал Алексей, пока еще сохраняя способность теоретизировать. – Ведь явная пошлость же, а все равно волнует. Что-то здесь есть выходящее за пределы здравого смысла. Мало я тех же натурщиц видел во всех позах...»

Он вытер руки махровым полотенцем, еще раз внимательно осмотрел свое отражение в зеркале, зачем-то подмигнул и, пожав плечами, вышел в каминный зал.

И понял, что ошибся. Сильвия сделала нечто совершенно противоположное. Она ждала его, опираясь спиной о дверной косяк, в строгом костюме из василькового, под цвет глаз, велюра. Сильно приталенный жакет, узкая юбка по колено с разрезами по бокам. И туфли были такие же васильковые, с золотыми блестками, узкие ремешки оплетали голени почти до колен. Светло-бежевые кружевные чулки из какого-то искрящегося материала. Она даже прическу поменяла, то есть сняла парик, чуть взбила короткие, едва закрывающие уши, волосы и выглядела теперь моложе и естественнее.

Эффект получился куда больший, чем в ожидаемом Алексеем варианте.

Сильвия это поняла, но ответила на его восхищенный взгляд только медленным взмахом длинных ресниц.

– Чай я приготовила в другой комнате. Пойдем...

Она повела Берестина сначала полутемным коридором, потом по узкой деревянной лестнице. Походка у нее было специально отработана для таких случаев, легкая, летящая, с плавным покачиванием бедрами, а по трапу она шла так, что Алексей вообще не мог отвести глаз.

В небольшой уютной комнате Сильвия накрыла инкрустированный перламутром столик в чисто британском стиле. Серебряный чайник с кипятком и еще один, поменьше, с заваркой. Два кувшинчика – с молоком и сливками. Нарезанный лимон, тарелка с сырами, сахарница, трехсотграммовая бутылка бренди, пепельница. И букет нежнейших хризантем непередаваемого бледно-фиолетового оттенка в хрустальной вазе.

Сильвия села в кресло напротив Алексея, непринужденно забросила ногу на ногу таким выверенным движением, что край юбки пришелся ровно на сантиметр выше края чулка.

«Интересно бы получилось, если б Сашка сейчас вошел», – подумал Берестин и спросил Сильвию, не опасается ли она такого варианта.

– Ну, во-первых, мы пока с тобой не в постели, а во-вторых, это все-таки ваши с ним проблемы, не мои. – Но, увидев его протестующий жест, успокоила: – На вашем пароходе такое количество помещений, что найти в них человека против его воли практически невозможно. И Шульгин здесь еще ни разу не был. Мы с ним встречались в других местах... Однако давай оставим эту скучную тему. Я хотела поговорить совсем о другом. Мы знакомы уже скоро месяц, с того печального дня, когда Шульгин доставил меня из Лондона в качестве «военнопленной». – Она иронически, но и с нескрываемой грустью покачала головой. – С тех пор я все время анализирую, как все это вообще могло произойти. А информации мне не хватает. И картинка, как любит выражаться ваш предводитель Новиков, в одно целое не складывается.

– Андрей нам не предводитель. Он, скорее, первый среди равных, – счел нужным возразить Алексей. – Или, если угодно, по распределению ролей – генератор идей, и не больше...

Сильвия ничего не ответила, только вновь качнула головой и уронила на глаза косую пышную прядь.

– Так вот, чтобы нам впредь больше не возвращаться к нашим баранам и беседовать «без гнева и пристрастия», не разъяснил бы ты мне конспективно, но доходчиво, как вся эта история вообще началась, какую роль кто исполнял, откуда появился тот, кого вы называете Антоном... Вот хотя бы это для начала.

– Запросы у тебя... – потер ладонью подбородок Алексей. – Мы и сами очень многого до сих пор не знаем и не понимаем... Впрочем, попробовать можно. При условии, что ты меня в свою очередь просветишь. Бог даст, кое-как и разберемся, что почем...

Он устроился в кресле поудобнее, достал из нагрудного кармана длинную и тонкую сигару зеленовато-соломенного цвета, взглядом спросил у хозяйки разрешения, тщательно ее раскурил и только потом произнес задумчиво-доверительным тоном: – Итак, я родился в Кордове... – Заметив недоуменную гримаску на лице своей визави, пояснил, окутываясь голубыми, остро пахнущими клубами дыма: – Был во времена нашей молодости такой фильм, «Рукопись, найденная в Сарагосе», с Цибульским в главной роли. Там герой начинает рассказывать историю о человеке, который рассказывает свою историю, персонаж которой тоже рассказывает новую историю, и так далее... Сюжет в стиле русской матрешки. По-моему, уровней двадцать там было, и в конце концов ни один зритель уже ничего не понимал. Чудный фильм, я его раз шесть смотрел. Предыдущая фраза – оттуда. С нее начинается одно из самых интересных приключений...

ГЛАВА 2

Алексей Берестин действительно был в молодости офицером воздушно-десантных войск, хотя и дослужился только до командира роты. Но служил хорошо, за участие в боевых действиях против сепаратистов (а может быть, и истинных патриотов) в одной далекой, но «дружественной» стране был даже награжден медалью «За отвагу» и каким-то латунным местным орденом. А потом стал профессиональным художником, и тоже неплохим. В кругах московской богемы слыл конформистом, потому что писал преимущественно романтические городские пейзажи «с настроением», к андерграунду относился без интереса, ни в каких «бульдозерных выставках» не участвовал, зарабатывал достаточно на безбедную жизнь холостяка без особых запросов и был уверен, что ничего чрезвычайного до самой смерти с ним уже произойти не может. И лишь иногда его одолевали сомнения – не совершил ли он ошибки, уволившись из армии? Особенно, когда встречал вдруг старого сослуживца с полковничьими погонами на плечах. Но сомнения быстро проходили, стоило лишь представить, какую цену пришлось бы за подобные погоны платить. Выходило, что на свободе все же лучше – абсолютная независимость и возможность делать только то, что хочешь, приличная мастерская в центре Москвы и всегда десятка-другая в кармане, позволяющая не слишком заботиться о дне грядущем... Чего еще желать в этой быстротекущей жизни?

И уж никаким образом ему не могло прийти в голову, что ждут его в самом ближайшем будущем приключения более чем невероятные, затрагивающие судьбы не только человечества, а целой Галактики, по меньшей мере. Причем ему в этой странной истории отводится роль... Нельзя сказать, чтобы главная, но особенная. Как у запала, от которого детонирует огромной мощности фугас.

Началось все до удивления просто – гуляя как-то по московским улицам, он встретил молодую женщину, поразившую его своей необыкновенной внешностью. Познакомился при довольно странных обстоятельствах, а потом, пожалуй, и влюбился. Да нет, то чувство, что у него возникло к Ирине, следовало бы назвать как-то иначе... Одним словом, он потерял голову, причем настолько, что не особенно удивился, когда она призналась, что представляет на Земле высокоразвитую инопланетную цивилизацию, и попросила выполнить ее маленькую просьбу. Всего-то и дел, что сходить на несколько часов в прошлое, в тысяча девятьсот шестьдесят шестой год и сделать там кое-что, по сути дела, мелочь, но мелочь, от которой зависит чуть ли не существование всей Галактики. Самое смешное, что он действительно побывал в прошлом и все, что от него требовалось, исполнил. И вот тогда...

– Скажи, – спросил он Сильвию после этого краткого вступления, – что там у вас случилось, почему вы вдруг набросились на бедную Ирину, как те самые ежовские энкавэдэшники? Неужели нельзя было разобраться спокойно?

Сильвия вздохнула, чуть заметно дернула плечом.

– Как интересно сравнивать, насколько по-разному выглядят одни и те же события с разных точек зрения. Поставь теперь себя на мое место. Я – резидент, отвечающий за целую планету, у меня масса действительно серьезных дел, о которых твоя Ирина, всего лишь рядовой агент-координатор, понятия не имела и не имеет. И вот я получаю сообщение, одно наряду с сотнями гораздо более важных, что в Москве, курируемой совсем юной агентессой, по сути – практиканткой, происходят некоторые странности. Не слишком существенные, но все равно непорядок. Я посылаю туда двоих контролеров – выяснить, в чем дело, оказать помощь, если нужно, или принять иные меры по их усмотрению. И вдруг происходит невероятное – мои сотрудники сталкиваются с противодействием, причем на уровне, превосходящем человеческие возможности. Их выбрасывают с Земли, и не куда-нибудь, а на нашу же базу, расположенную в полусотне парсеков отсюда. Что я должна была подумать? Вдобавок один агент поги-

бают, а уцелевший сообщает, что «Ирина» вступила в сговор с неизвестной «третьей силой». Потому третьей, что со второй, так называемыми «форзейями», нашими традиционными противниками, мы давно поддерживали неофициальные, но подчиняющиеся определенным правилам контакты. Как разведчики воюющих стран на нейтральной территории, вроде Швейцарии, например...

Сильвия наклонилась вперед, чтобы долить себе в чашку свежего чая, и юбка сдвинулась еще на пару сантиметров. Алексей отвел глаза, хотя и не увидел ничего особенного. Черная пластиковая застежка, самый кончик кружевной резинки и узкая полоска белой кожи выше края чулка.

Еще один вопрос, который занимал его чуть не всю сознательную жизнь. В чем хитрость? Буквально вчера он видел эту же Сильвию в компании остальных девушек, загорающую в шезлонге. Все они были в купальниках «топлесс». И не вызывали никаких эмоций, кроме чисто эстетических. А сейчас... Очевидно, здесь срабатывает какая-то инстинктивно-генетическая программа. Ситуативно женщина на пляже не должна восприниматься вне означенной роли. И не воспринимается. А наедине, в соответствующей обстановке, малейшее отклонение от принятой в данный момент нормы закрытости тела срабатывает как пусковой сигнал. Когда он был школьником и порыв ветра поднимал девушке юбку выше колен – это же было событие! А через два года настала пора мини, и подсознанию потребовались уже иные стимулы...

– Понятно, – заставил он себя отвлечься от посторонних мыслей. – Антон нам тоже кое-что подобное излагал. Но ты, получается, и так все знаешь, к чему же расспросы?

– Знаю я далеко не все. И в другом преломлении, – ответила экс-резидент, будто и не замечая непорядка в своем туалете. Она его даже еще чуть усугубила.

Берестину поневоле нужно было делать выбор, по-прежнему интересоваться проблемами мирового значения или переключиться на сиюминутные. И вообще интересно – в чем смысл ее тактики? Она сама-то как – действительно хочет восстановить смысл и последовательность событий, лично для него уже потерявших актуальность, либо просто пытается его соблазнить? А если да, то зачем? Чтобы получить нормальное удовольствие или добиться каких-то тайных целей?

Первое и второе не требуют столь тонкой игры. На первое он уже согласился, да и от второго вряд ли стал бы категорически отказываться. А о третьем варианте стоит задуматься, тем более что для этого все равно придется уступить ее деликатным намекам.

– А чего там особенно знать? После возвращения из шестьдесят шестого, сопряженного, правда, с некоторыми осложнениями, мы какое-то время прожили спокойно... – Он не стал акцентировать внимание на том, что вернуться в свою реальность ему удалось лишь через четыре месяца, да и то при помощи старого друга – любовника Ирины, Андрея Новикова, с которым она рассталась года за три до описываемых событий, а потом вдруг встретила вновь, похоронив надежды Берестина на почти уже состоявшуюся взаимность.

– Спокойно прожили, – с непонятной интонацией повторил он, – пока твои орелики не объявились. Вот тогда все и завертелось... Практически все события уложились в неделю. Налет ваших агентов, появление Воронцова, уход на Валгаллу...

– Подожди, – вновь остановила его Сильвия. – Об этом я почти ничего не знаю, разве что по отрывочным разговорам в Замке. Как и почему все произошло?

– Да тоже как-то так... Зажали ведь вы нас крепко. Сначала те двое, потом нападение на квартиру Левашова, на Воронцова в метро. Антон, с которым Воронцов был давно знаком по журналистским делам и который вдруг тоже оказался пришельцем, ненавязчиво подвел нас к идее передислокации на Валгаллу, оказал необходимое содействие. Нам особенно выбирать не приходилось, а тут такое заманчивое путешествие. Там и в самом деле неплохо было, – в голосе Берестина прозвучала мечтательная грусть. – С аборигенами познакомились, подружись, можно сказать. Опять с вашими воевать пришлось. После танкового сражения в плен

мы с Андреем попали. Очередная дама тамошняя тоже, наверное, резидент вроде тебя, нам предложила выбор – или мы начинаем работать на нее, или... – Алексей махнул рукой. Вспоминать о том разговоре ему было неприятно. Что ни говори, они тогда капитулировали. Хотя и не слишком испугавшись, но не пожелав обещанной им, весьма неприятной в случае несогласия участи.

– А вот об этом поподробнее, пожалуйста! – Сильвия неожиданно взволновалась, резко поднялась с кресла, оперлась руками о его высокую спинку. Берестин и не ожидал от нее такой несдержанности. Дела давно минувших дней, казалось бы.

– Ну, дама была весьма эффектная. Постарше тебя, пожалуй, попышнее несколько, но весьма пикантная. Похожа скорее на итальянку. Этакая сорокалетняя Лоллобриджида... Звали ее Дайяна. В переводе на русский – Диана, наверное.

– Дама меня как раз меньше всего интересует, – прервала его воспоминания Сильвия. – Что она вам предложила и что было дальше?

Берестин рассказал, как их переправили в виде субатомных матриц обратно на Землю, теперь уже в сорок первый год, и поместили в чужие тела, его – в командарма Маркова, а Новикова – в самого Сталина. С задачей переиграть Вторую мировую войну и тем самым кардинально изменить ход истории. И они эту задачу почти что выполнили, только вот Антон раньше времени их оттуда извлек и перенес в Замок... После чего была взорвана какая-то информационно-энтропийная бомба, и все кончилось. Для цивилизации аггров...

Когда он произнес слово, которым Антон называл соотечественников Сильвии, она поморщилась, будто светская дама, услышавшая флотский загиб. Может, действительно это просто придуманная форзейлями непристойная или крайне оскорбительная кличка для своих противников? Но сказать ничего не сказала. Помолчала несколько секунд, осмысливая услышанное. Чтобы пауза не выглядела слишком нарочитой, взяла с тумбочки причудливый, в стиле «модерн», бронзовый подсвечник, поставила на стол, зажгла толстые витые свечи.

– Я об этой истории ничего не знала, – сказала она, вновь опускаясь в кресло. – Да и когда б успела? По земному времени все заняло меньше недели. Но выглядит куда как странно. Мало того, что столь радикальное вмешательство в земную историю никак не могло осуществиться без самого детального обсуждения со мной, оно в описанной тобой форме просто не имеет смысла. Ни практического, ни физического. Непонятна роль вашего «друга» Антона. Уж его-то я знаю много лет. Каким образом он смог бы организовать изъятие ваших матриц, находясь на Земле, если они управлялись с Таорэры?

– Он объяснял...

– Ты тоже можешь объяснять папуасу, будто телевизор работает потому, что в нем поселились духи, – презрительно фыркнула Сильвия, не обратив внимания на оскорбительность своих слов для Алексея. – Нет, тут в самом деле есть о чем подумать...

«А не хватит ли дурака валять?» – мелькнуло в голове Берестина. Мало того, что дамочка то и дело сверкает своими прелестями, так еще и хамить начала. Это еще разобраться надо, кто тут папуас.

– Тебе не кажется, что раз уж у нас ситуация Шахразады, хоть и с обратным знаком, так и продолжение должно быть в том же ключе?

– А ты действительно этого хочешь? – Сильвия словно бы даже удивилась его словам и в то же время как-то поособенному зазывно взмахнула ресницами...

Он обошел стол, взял в руки ее узкую прохладную ладонь. В самом деле, сколько можно заниматься скучной болтовней, если все так просто – уютная комната, дрожащие огоньки свечей, тихая музыка, красивая, заведомо на все согласная женщина. Совсем у него крыша поехала, что ли?

Он обнял бывшую инопланетянку за талию, повернул к себе, медленно приблизил губы к ее приоткрывающимся губам. Она тоже подалась вперед, запрокидывая голову и прижимаясь

к нему животом и бедрами, привставая на цыпочки и обвивая руками его шею. Целовались долго и увлеченно, словно охваченные первой страстью юные влюбленные.

Алексей даже и не заметил, как они оказались на широком диване в смежной комнате. Падающий сквозь проем двери дрожащий свет только-только позволял различать черты ее лица с прикрытыми длинными ресницами глазами. Обнимая податливое тело Сильвии, расстегивая тугие кнопки прозрачной блузки, целуя приподнятые жесткими кружевными чашками полушария, Берестин не сразу сообразил, какой этюд она с ним разыгрывает. Но все-таки понял, не семнадцать же лет ему. Аггрианка исполняла роль добродетельной жены, впервые в жизни решившейся на супружескую измену. Она то уступала домогательствам соблазнителя, то вдруг спохватывалась и начинала осторожно сопротивляться. Отталкивала слишком уж бесцеремонно проникающие под одежду руки, начинала шептать протестующие, возмущенные слова, прерываемые, впрочем, чересчур страстными вздохами, и тут же сама припадала к его губам своими, мягкими и требовательными.

Алексея такая игра тоже захватила. Слишком она отвечала его собственной склонности. Что за интерес, если партнерша торопливо, как в бане, раздевается и ныряет под одеяло с заранее обдуманном намерением.

Когда он, преодолевая сопротивление, сумел наконец сдвинуть вверх узкую, даже, кажется, лопнувшую при этом по шву юбку и начал на ощупь искать застёжки пояса, Сильвия вдруг оттолкнула его, откинувшись на спинку дивана, царственным (каким аристократки былых времен подавали для поцелуя руку) движением протянула Алексею стройную, прекрасного рисунка и невероятно длинную ногу. Вновь придя в себя, усмехнувшись даже, Берестин отщелкнул пряжки на ремешках туфель. А усмехнулся он оттого, что вспомнил давний-давний, но почти аналогичный случай. Запутавшись в многочисленных, по тогдашней моде, крючках и пуговичках интимных деталей туалета очередной подружки, курсант-первогодок Леша даже выругался от отчаяния: «Да где ж оно расстегивается?» – и услышал в ответ задыхающийся шепот: «Ой, ой, не надо, пожалуйста... Вот здесь...»

Женская одежда с тех пор значительно усовершенствовалась, и прежних затруднений Берестин не испытывал, однако Сильвия еще раз изобразила отчаянную попытку «сохранить целомудрие». И лишь когда физические и моральные силы, а главное, воля к сопротивлению оставили ее, несчастная женщина, зажмурив глаза и очень натурально дрожа и всхлипывая, позволила освободить себя от последней, пусть и символической, защиты.

– А кого из нас ты хочешь? – спросила вдруг Сильвия ясным голосом, когда они, наконец, лежали рядом, и его ладонь плавно скользила вдоль ее тела от груди к крутому изгибу бедра.

Берестин сквозь зубы выругался. Это она вспомнила их прошлое свидание, когда, зная о его так и не избытой тоске по Ирине, отдавшей предпочтение другому, Сильвия каким-то непостижимым образом сумела внушить Алексею, что она и есть та самая Ирина. И он любил ее со всей копившейся весь бесконечный год страстью и понял, что ошибся, лишь когда все кончилось и аггрианка сняла свое наваждение.

Трудно передать чувство, испытанное им в тот момент, но Сильвия объяснила, что провела всего лишь сеанс психотерапии и теперь он свободен от мучительного комплекса.

Самое смешное – она оказалась права, и с тех пор Алексей смотрел на свою бывшую любовь спокойно, и не сжималось у него сердце от тоски и зависти, когда вдруг доводилось увидеть Новикова, выходящего утром из ее каюты.

– Ну уж нет, – прошептал он. – То – дело прошлое. Теперь я хочу узнать, что ты собой представляешь «о натурель»...

В своем выборе он не ошибся. Сильвия в естественном виде оказалась гораздо темпераментнее и изощреннее Ирины. Берестин испытал ощущения, которых ему не доводилось переживать за все свои двадцать лет общения с женщинами, хоть было их у него достаточно. И опытных, и не очень.

Но только вот еще какую он понял разницу: Ирину он любил, а с Сильвией – занимался любовью.

Потом она, смахнув пот со лба и поправив растрепанные волосы, села, подоткнув под спину пышную подушку и накинув на бедра край простыни.

Алексей, лежа на спине, курил, приходя в себя после чересчур бурного апофеоза страсти.

– Ну, а как ваш Антон объяснил вам необходимость моего пленения? – спросила вдруг Сильвия совершенно спокойным и деловым голосом.

– Для тебя это важно теперь, когда все давно в прошлом?

– В прошлом ли? Ты так в этом уверен?

Он смотрел на ее лицо снизу вверх, и оно показалось ему сухим и жестким, как у командира подводной лодки в момент торпедной атаки.

И это же вдруг внушило ему непонятную надежду. Неизвестно на что.

– А если уточнить?

– Уточнять пока нечего. Есть только сомнения и определенные мысли по этому поводу.

Слишком странны поступки вашего друга Антона...

Здесь он не мог с ней не согласиться.

– Тогда что ты можешь предложить?

– Пока – только одно. Давай заключим союз.

– Союз? Зачем и против кого?

Сильвия рассмеялась, непринужденно и весело.

– Русский есть русский. Не против, совсем не против. Для достижения общих целей. Я проиграла все, вы – не берусь утверждать, но, похоже, тоже немало. Давай вместе и разбираться. Почему именно тебе я делаю предложение? Так это очевидно. У вас все – с кем-то. Ирина с Новиковым, Воронцов с Наташей, Левашов с Ларисой. Андрей, Олег и Сашка старые друзья, Дмитрий и Олег тоже друзья и сослуживцы, только ты – сам по себе...

Анализ Сильвии показался Берестину интересным и убедительным. Она совершенно права, только он, один из всех – сам по себе.

– Так что из этого?

– Можно сказать, что и ничего особенного, а можно... – Сильвия опустилась ниже, вытянулась на постели, придвинулась так, чтобы коснуться Алексея животом и бедрами.

– Давай мы тоже будем вдвоем против известных и неизвестных опасностей и проблем. Будем друзьями...

– Товарищами в борьбе, – по неистребимой склонности иронизировать, добавил Алексей.

– Если угодно, – не поняла или не приняла иронии Сильвия. Погладила его ладонью по щеке, опираясь на локоть, качнула перед глазами упругими, как теннисные мячи, полусферами груди.

– А ты как думаешь, мужчина и женщина, особенно после того, что уже было, могут оставаться друзьями?

– Почему же и нет? – искренне удивилась Сильвия. – Для дружбы главное – общность взглядов и интересов. А если к тому же еще имеется возможность подарить друг другу наслаждение... Разве это может помешать? Мне кажется – напротив...

– Да, интересная точка зрения, – только и смог ответить на это Берестин. А Сильвия, ловя губами его губы, тут же попыталась подтвердить правильность своих слов практическими действиями.

Алексей нашел в себе силы отстраниться.

– Постой-ка, друг, товарищ и брат... Успеется. С Сашкой как ты намерена разобраться?

Сильвия снова села, резко оттолкнувшись от его плеча.

– Ты что, сцены ревности собираешься устраивать? Не рановато ли?

– Какая ревность, о чем ты, красавица? У нас же дружба, ты забыла! Мне просто хочется уточнить вопросы протокола...

– Тогда это целиком мои проблемы. Для наших... деловых встреч всегда найдется и место и время.

– Чудесно. При таком раскладе мне нечего возразить. Осталось только спросить – как, по твоему мнению, Антон действительно вытолкнул нас сюда, чтобы мы спокойно жили в подаренной нам Реальности, или?..

– Хотела бы ответить иначе, но кажется, что или... Не те существа твои друзья форзейли, чтобы закончить столь банально. И вообще у меня крепнет подозрение, что все происходящее имеет совсем другой смысл и значение. Не было уничтожения моей Реальности и моей цивилизации. Случилось нечто другое...

– Эх, – протяжно вздохнул Берестин. – Когда ни помирать, все равно день терять... Завтра Андрей пойдет на контакт с генералом Врангелем. Интересно, есть теперь в этом толк или плюнуть на все и действительно гнать в южные моря? Загорать будем, купаться, на досках плавать научимся, а выпивки в погребах до белой горячки элементарно хватит...

Сильвия резким движением не по-женски сильной руки опрокинула Берестина на спину. Тряхнула головой, обрушив ему на лицо волну своих волос, пахнущих какими-то экзотическими растениями. Раскрытыми мягкими губами и языком коснулась начинающей уже колоться, с утра не бритой щеки.

– Дружок ты мой, – отчего-то вдруг с интонацией владимирской или ярославской бабы прошептала она. – Делай, что должен, свершится, чему суждено...

Переход от среднерусской тональности к чеканной фразе Марка Аврелия в устах английской аристократки был настолько забавен, что Алексей не удержался от смеха, несмотря на вновь неудержимо охватившее его желание.

– И пусть вас не беспокоят эти глупости, – успел он еще достойно завершить ее фразу и лишь после этого позволил агтрианке дать волю своим низменным инстинктам.

ГЛАВА 3

Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской армией (до недавнего времени она называлась Вооруженными силами Юга России) генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель пребывал в несколько противоречивом и даже смятенном состоянии духа. Он сидел на террасе своего Севастопольского дворца, любуясь мрачной, вагнеровской картиной догорающего над морем заката, где солнце садилось в нагромождение синих, серых, розовато-черных туч, радужными переливами набегающих на берег волн и сумеречной зеленью вплотную подступающего к решетчатой балюстраде сада, и время от времени отщипывал крупные виноградины от свисающей с края вазы тяжелой грозди. Врачи после перенесенного тифа рекомендовали есть как можно больше винограда. Липкую сладость черных, подернутых синеватым налетом ягод он запивал терпко-кислым «Ай-Данилем» и мысленно продолжал недавно закончившийся разговор с генералом Шатиловым.

Шатилов, его старый друг и соратник, единственный генерал в белом движении, которому Врангель безоговорочно и полностью доверял, обычно настроенный крайне скептически, сегодня был полон оптимизма.

«Мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которого мы свидетели и участники, – говорил Павел Николаевич, тридцатидевятилетний генерал от кавалерии, начальник штаба армии. – Ведь всего три месяца тому... как мы прибыли сюда. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха, принимая командование армией, а что касалось меня, я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло всего три месяца... А теперь... Что бы ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена, и героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

Но нет, о конце борьбы речи быть не может. Насколько три месяца назад я был уверен, что она проиграна, настолько теперь уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там, на Кубани и Дону, армия возрастет и численно. Население сейчас с нами, оно верит нашей власти, оно понимает, что мы идем освобождать, а не карать Россию. Поняла и Европа, что мы боремся не только за свое русское, но и за европейское дело. Нет, Петр, о конце борьбы сейчас думать не приходится, надо думать только о победе...»

Врангель не спорил, он тоже хотел бы думать так же. И, казалось, для этого были все основания. Совсем недавно, прижатая к морю на последнем клочке родной земли, армия умирала. Конец казался неизбежен всем, и прежде всего – бывшим союзникам, уже готовым признать большевиков единственной законной властью. А теперь войска победоносно движутся вперед. Воскресшие духом, очистившиеся в страданиях русские полки вновь идут на север, неся с собой порядок и законность. И народ восторженно встречает освободителей. Да и так называемый цивилизованный мир опять начинает видеть в борьбе русских героев решающий фактор европейской политики. Особенно когда красные полчища стоят у стен Варшавы! И откровенно провозглашают своей целью Берлин и Париж!

Однако, веря в победу и страстно ее желая, Врангель здраво оценивал положение. И думал, глядя на карту, как ничтожен маленький клочок свободной от красного ига русской земли по сравнению с необъятными пространствами залитой большевистской нечистью России. Как бедна свободная Россия по сравнению с теми, кто захватил ее несметные богатства. Какое неравенство пространства, сил и средств обеих сторон! Ежедневно редели ряды Русской армии, раненные заполняют тыл. Лучшие, опытейшие офицеры выбывают из строя, и заменить их некем. Изнашивается оружие, иссякают огнеприпасы, приходит в негодность техника. Без них армия бессильна. Приобрести все это нет средств. Экономическое положение становится все более тяжелым. Хватит ли сил дожидаться помощи, придет ли она вообще и не потребуют

ли те, кто ее даст, слишком дорогую плату? А на бескорыстную помощь мы рассчитывать не вправе... В политике Европы тщетно было бы искать высшие моральные побуждения. Этой политикой руководит исключительно нажива...

Возбужденный собственными мыслями, генерал резко поднялся с места, так что упал плетеный камышовый стул. Несколько раз прошелся по веранде, взметывая быстрыми шагами полы черески.

Доказательств измены «союзников» искать недалеко. Всего четыре дня назад Врангель получил сообщение, что из Одессы под конвоем французского миноносца вышел курсом на Геную советский пароход с пятью тысячами тонн хлеба. И это при том, что Англия и Франция неоднократно заявляли, что никому не позволят нарушить блокаду советских портов. Всюду предательство и обман!

Врангель остановился у заплетенной плющом балюстрады, закурил, сломав несколько скверных, воняющих серой и не желающих загораться спичек. В густеющих сумерках светились редкие огни кораблей на рейде. В полуверсте от берега генерал нашел глазами высокобортный белый пароход, большой даже в сравнении с замершей неподалеку громадой линкора «Генерал Алексеев». Говорят, что американский. Якобы по торговым делам. Пришел два или три дня назад. Узнать точнее было недосуг, Врангель только вчера вернулся с фронта. Да и не дело Главнокомандующего контролировать каждый входящий в гавань корабль. Хотя как сказать. В его-то положении... Англо-французы осуществляют негласный бойкот Крыма, а тут вдруг пришел пароход из ни от кого не зависящей Америки. Надо бы поинтересоваться, не удастся ли через них как-то помочь тысячам семей погибших офицеров, буквально пропадающим без всяких средств к существованию. Решив не медлить, чтобы завтра за суматохою дел не забыть, генерал взял со стола звонок, встряхнул, вызывая адъютанта.

Но не успел еще язычок звонка дважды ударить о серебряные стенки, как на пороге уже возник болезненно-бледный поручик с левой рукой на черной косынке. Словно угадал мысль Главнокомандующего.

– Ваше высокопревосходительство, у вас просит аудиенции господин Эндрью Ньюмен, владелец парохода «Валгалла», прибывшего из Северо-Американских Соединенных Штатов.

Изумившись столь странному совпадению, Врангель немного помедлил, решая для себя – удобно ли вот так, сразу принять заезжего толстосума или стоит назначить встречу хотя бы на завтра, все-таки сказал:

– Просите. И принесите пару бутылок хорошего вина. «Новый свет», если есть...

Поручик чуть слышно звякнул шпорами, четко повернулся и вышел.

Генерал машинально поправил узкий кавказский пояс и постарался придать лицу любезное выражение.

Он ожидал увидеть толстого пожилого господина в визитке и цилиндре, такой образ богатого американца у него отчего-то сложился, хотя лично ни одного из них он до этого не встречал. Однако на веранде появился высокий молодой мужчина в светлом костюме. Мягкую велюровую шляпу он держал в руке. Резко очерченное загорелое лицо украшали короткие, соломенного оттенка усы, светло-голубые глаза смотрели внимательно и словно с любопытством. Мол, каков этот русский Главнокомандующий, пресловутый «черный барон»!

Врангель сделал три шага навстречу, протянул руку:

– Добро пожаловать, господин Ньюмен, рад видеть вас на нашей многострадальной земле. Что привело вас сюда? – старательно выговаривая английские слова, спросил генерал.

– Я также рад видеть столь выдающегося полководца Русской армии, – наклонил голову американец, пожимая поданную ему руку. – Если вы не против, я предпочел бы говорить на вашем языке...

– С удовольствием, – ответил Врангель, скрывая удивление. Иностранец владел языком почти свободно, разве что легкий акцент улавливался. – Присаживайтесь. Курите, если жела-

ете. Ваше знание русского меня восхищает. Приходилось бывать в России? Наверное, по торговым делам?

Сел напротив гостя, тоже взял из палисандровой коробки толстую папиросу «Месаксуди».

– Не поверите, буквально за минуту до вашего появления я смотрел на море и думал о вас, точнее, о вашем пароходе и о целях его прихода. Не правда ли, интересно?

– Пожалуй, – вежливо улыбнулся американец. – Прошу меня извинить, господин генерал, за допущенную бестактность. Мне следовало бы нанести вам визит незамедлительно по приходе в Севастополь, однако задержали обычные в военное время формальности... У вас очень... – он замялся, подбирая выражение повежливее, – строгие портовые власти.

Следующие пять минут занял обмен дежурными любезностями, во время которых Врангель пытался составить представление о госте и догадаться, чего от этой встречи можно ожидать. На первый взгляд американец выглядел человеком открытым и независимым, держался с достоинством, но просто. Как равный с равным. Генерал не заметил в нем высокомерной чопорности англичан и плохо скрываемого французского хамства, которые так бесили Врангеля при встречах с представителями «союзников». Он видел, что и гость изучает его перед тем, как перейти к цели своего визита. На купца (на русского купца) гость походил мало, как и на человека, исключительно из любопытства напросившегося на прием к правителю какого-никакого, но государства, ведущего тяжелую гражданскую войну. Хотя по общеизвестной американской бесцеремонности могло быть и такое. Чтобы потом хвастаться в нью-йоркских или Вашингтонских гостиных личным знакомством с «Russian pravitel».

– Прошу прощения, господин генерал, – проронил наконец гость. – Мне кажется, я начинаю злоупотреблять вашим гостеприимством. Понимаю вашу занятость и не хочу показаться праздным болтуном. Обратимся к делу, если вы не против.

– Пожалуй, – согласился Врангель. – У меня действительно не так много свободного времени. Однако я надеюсь, что цели вашего посещения достаточно серьезны, чтобы я мог уделить еще несколько минут столь приятной беседе, не считая это время потерянным зря. Надеюсь, вы знакомы с нашими обстоятельствами?

– Более чем. Потому я и здесь, Петр Николаевич. Вы не против, если я так буду к вам обращаться?

– Пожалуйста, господин Ньюмен, без чинов даже удобнее. Вот, кстати, и угощение подоспело. Откупорьте, поручик, – сказал он внесшему серебряное ведерко с торчащими из льда горлышками бутылок адъютанту и тут же спохватился, вспомнив о его раненой руке:

– Простите, мы сами, можете идти... – И, уже обращаясь к американцу, продолжил: – Отличное шампанское, из погребов князя Голицына. Прошу учесть – намного лучше французского.

– Наслышан, наслышан. Вы тоже называйте меня по имени. Андрей, ну, допустим, Дмитриевич. За победу вашего дела, которому я искренне сочувствую! – Американец поднял бокал с пенящимся брютом.

Отпили по глотку, смакуя действительно великолепное вино. Гость даже прикрыл от удовольствия глаза.

– Изумительно. Не дай бог, если все это достанется... вашим противникам. – Явно имея в виду не только шампанское, Ньюмен сделал рукой широкий жест, охватывая и лежащий внизу сад, и панораму севастопольских бухт.

– Однако действительно перейдем к делу. Я знаю о реальном положении правительства Юга России и возглавляемой вами армии. Оно, безусловно, тяжелое, но пока не безнадежное. И моя цель – оказать вам, Петр Николаевич, всю возможную помощь.

Теперь американец смотрел на Врангеля взглядом прямым и серьезным, не было в нем светской любезности и отстраненного любопытства, и голос его звучал так, словно говорил по меньшей мере посол великой державы.

Генерал тоже подобрался. На шутку слова гостя походили мало. Но, однако, чем же может помочь ему сей странный посетитель? Так он и спросил.

– Думаю, что многим. По моим сведениям, ваша казна пуста, Петр Николаевич. Нечем платить жалованье армии, не на что купить оружие и продовольствие, бумажные деньги дешевеют быстрее, чем вы успеваете их печатать. И так далее. А армия на пределе своих сил. Вы взяли Александровск, Екатеринослав и вышли к Каховке. Пока еще продвигаетесь по Кубани. Но... В строю у вас тысяч сорок штыков и сабель. Красные же, разделавшись с Польшей, могут бросить на вас миллионную армию. И это будет конец. Так?

Врангель затвердел скулами. Пусть этот американец совершенно прав и высказывает то, о чем ему самому приходится думать ежеминутно. Но как он смеет говорить в таком тоне? Словно прибывший для инспекции представитель Ставки с начальником дивизии. Указать ему на дверь? Нет, лучше пока послушать, что он еще скажет.

– Предположим, – сухо уронил генерал. – Однако и положение большевиков далеко не блестяще. Простая арифметика вряд ли уместна при решении задач подобной сложности...

– Как раз это я и имею в виду, – кивнул Ньюмен. – Иначе меня здесь просто не было бы. На пустые шансы я не ставлю. Как уже было сказано, я горячо заинтересован в успехе вашего дела и намерен предоставить вам помощь, необходимую для одоления врага.

– Это, конечно, весьма трогательно, – стараясь, чтобы слова прозвучали в меру язвительно, ответил Врангель. – И в чем, простите, такая помощь может выразиться?

«Черт бы с ним, с этим нахалом, – подумал Врангель, – даже если отстегнет сотню-другую тысяч в валюте, возьму. Хоть снарядов купить для Каховской операции или медикаментов. Но какой апломб! Россию спасти приехал, благодетель!»

Генерал, несомненно, понимал в людях, не зря почти всю жизнь прослужил в армии, от эскадронного командира до Верховного главнокомандующего, однако мимика и манеры гостя ставили Врангеля в тупик. Человек его возраста и положения должен был держать себя иначе.

– Если я что-то понимаю в военной экономике, а я в ней действительно понимаю, – покачивая носком белого шеврового ботинка и улыбаясь несколько двусмысленно, сказал Ньюмен, – для решения ваших первоочередных проблем вам хватило бы что-то около миллиарда...

Генералу показалось, что он ослышался.

– Миллиарда – чего?

– Ну, допустим, долларов. Или же золотых рублей. Как вам будет удобнее. Я располагаю такой суммой и готов предоставить ее в ваше полное распоряжение.

«Сумасшедший, – подумал Врангель с сожалением. – А с виду так похож на нормального человека. Жаль. Надо тактично закончить разговор и выпроводить его. Однако для ненормального он неплохо осведомлен и все-таки владелец огромного парохода. Да так ли это? По-русски говорит чересчур хорошо, и кто проверял его личность? Может, вызвать охрану и отправить его в контрразведку?»

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, Петр Николаевич, – сочувственно кивнул американец. – И не осуждаю. Так сразу поверить трудно. Однако я и в самом деле миллиардер, и деньги у меня с собой. То есть на корабле, а чтобы у нас впредь не возникало недоразумений, готов сегодня же подтвердить свою правоту и искренность намерений. Слова вас не убедят. Сделаем проще. Возьмите охрану, сейчас же поедem в Минную гавань, и прямо там я отгружу вам первый взнос – на три миллиона довоенных рублей золотом. Если это вас убедит – будем беседовать дальше. Нет – можете хоть расстрелять меня, ваше право. А потеряете вы максимум час времени, да заодно и прогуляетесь по свежему воздуху. Ей-богу, ваше высокопревосходитель-

ство, я бы рискнул, игра того стоит. – Посетитель расплылся в простодушной улыбке. Врангелю даже показалось, что и подмигнул слегка.

– А документы мои вот, – продолжая демонстрировать проницательность, он протянул большой американский паспорт с орлом на обложке. – Ей-богу, я хоть и люблю пошутить иногда, но не стал бы ради этого пересекать океан и избирать столь неподходящее время и объект для розыгрыша. Вызывайте машину, Петр Николаевич. Это окажется ваша самая удачная в жизни сделка, будь я негром...

...Пока автомобиль Главнокомандующего в сопровождении взвода конного конвоя, скрипя рессорами на выбитом булыжнике окраинных улочек, неторопливо катился к Минной гавани, Врангель, слушая непринужденную болтовню американца, размышлял о том, что поступает более чем опрометчиво, доверившись этому странному человеку. Смешно даже вообразить, чтобы Верховный главнокомандующий воюющей армии, словно начитавшийся Буссенара гимназист, отправился ночью неизвестно куда в чаянии обрести свалившееся с неба сокровище. И в то же время его не оставляла отчаянная надежда, такая же, как минувшей зимой, когда Слащев с полуторами тысяч обессиленных офицеров и юнкеров оборонял перешейки. Тогда бог оказался милостив к нему. Так, может, и сейчас?.. Пристало ли ему, не боявшемуся смерти на фронтах, бояться сейчас показаться смешным, причем всего лишь в собственных глазах? Ведь больше ни одна душа на свете, кроме, конечно, этого самого гостя, не знает и не узнает о его слабости. Ибо, если тот обманет... И плевать на любые международные осложнения, хуже, чем есть, не будет. Да, вот именно...

По мере приближения к морю переулки становились все более узкими и кривыми, домишки по сторонам стояли маленькие, кое-как слепленные из самана, беленого кирпича и старых досок. Уличное освещение здесь совсем отсутствовало, лишь кое-где из не закрытых ставнями окон падал на мостовую слабый свет.

«Подходящее место для покушения», – подумал Врангель и незаметно расстегнул кобуру нагана.

Автомобиль съехал к заброшенному пирсу. Лучи ацетиленовых фар выхватили из мрака ржавые полузатопленные корпуса старых номерных миноносцев и поблескивающий стеклами рубки большой разъездной катер, пришвартованный у стенки. На массивных чугунных кнехтах в какой-то странной неподвижности замерли несколько фигур в белых морских рубахах. Не светились огоньки папирос, не слышно было разговоров и смеха, что составляло обычное времяпрепровождение русских солдат и матросов в отсутствие начальства. Эти же просто сидели каждый сам по себе. Может, просто спят так?

Только когда Ньюмен вышел из автомобиля, его люди оживились, задвигались, построились вдоль пирса, не слишком торопясь.

Американец бросил короткую команду, смысла которой Врангель не уловил, и тут же все пришло в движение. В море, где-то позади катера, вдруг громко затарахтел мотор, раньше его приглушенный стук был не слышен из-за плеска воды о причал и берег. Вспыхнули ходовые огни на мачте, зеленый и красный, и яркий прожектор осветил причал.

Из темноты появилось странное судно, что-то вроде самоходной баржи, с плоским загнутым вверх носом и невысокой надстройкой на корме. Врангелю оно показалось похожим на громадную галошу.

Минуя причал, плашкоут медленно приблизился к берегу, с лязгом цепей его передняя оконечность отвалилась и легла на галечный пляж.

Словно подъемный мост средневековой крепости. И тут же из глубины баржи показался грузовой автомобиль, большой, больше любого, ранее виденного генералом. Осторожно проворачивая огромные колеса, он съехал на берег и остановился.

Ньюмен отдал еще одну команду на английском. Его люди ускорили свой рабочий темп.

– Извольте, Петр Николаевич, – сделал американец приглашающий жест, и генерал наконец отщелкнул дверцу автомобиля, неторопливо спустился на землю с высокой подножки.

Двое матросов сноровисто, с обеих сторон кузова сразу, вскарабкались наверх и подали двум другим деревянный, окованный железом ящик, размером примерно как для винтовочных патронов.

Повозившись с замками, Ньюмен откинул крышку и включил сильный электрический фонарь.

Под деревянной крышкой была еще одна, мягкая, брезентовая или кожаная. А когда поднялась и она, Главнокомандующий увидел отливающие густой и жирной желтизной прямоугольные бруски. Врангель, окончивший в свое время Горный институт, узнал их сразу. Да и любой другой человек не ошибся бы. Ни медь, ни бронза так не блестят.

– Извольте, – снова повторил Ньюмен, протянул генералу один из слитков, и тот, взяв его в руки, едва смог удержать, слишком не соответствовали размер и вес. В бруске было пуда полтора.

– Теперь вы наконец поверили? – В голосе Ньюмена не было торжества, только едва уловимая ирония. – В машине ровно тридцать ящиков, по сто килограммов в каждом. Куда прикажете доставить? В ваш дворец или в другое место? За сохранность можете не опасаться, мои люди хорошо вооружены. Так как?

– Пусть едут за нами, – внезапно охрипшим голосом произнес Врангель.

...В кабинете Главнокомандующего, освещенном только настольной лампой, густо плавал сигарный дым. Американец курил очень длинную и толстую сигару, причем вначале несколько раз звучно пыхал, чтобы лучше разгорелась, и лишь потом глубоко затягивался.

Генерал сидел напротив и внимательно слушал, не отводя глаз от лежащего у письменного прибора, словно пресс-папье, драгоценного бруска. На боковой грани глубоко выштампованы буквы: «SOUTH AFRICA», порядковый номер и вес – 795 унций.

– Таким образом, – говорил Ньюмен, – уже за счет моей первой ссуды вы сможете полностью погасить задолженность по выплате денежного содержания войскам, начать закупки за наличный расчет продовольствия у местных крестьян. Ну и произвести определенное впечатление на «союзников». Англичане и французы очень живо реагируют на наличные деньги в руках партнера. Как говорил один мой приятель: я воспринимаю каждый доллар в руках другого как оскорбление, если не могу воспринять его как добычу...

– Вот именно, – мрачно кивнул Врангель. – Возможно, как раз это и погубило адмирала Колчака. Слишком много золота он возил с собой...

– Надеюсь, здесь мы этого не допустим. А вообще для надежности можно разместить следующую партию «товара» на линкоре «Адмирал Алексеев». Уж там-то он будет в полной безопасности.

У Врангеля, несмотря на давнюю, непроходящую усталость и бессонную ночь, настроение было приподнятое, эйфорическое, и он не хотел поднимать сейчас вопрос, чего это вдруг неизвестно откуда появившийся американец надумал помогать Белому движению да еще в размерах, превышающих всякое разумение. Какая ему в этом выгода и какой личный интерес? Что он есть, не может не быть, генерал не сомневался. Но об этом будет время поговорить и позже, соглашаться или нет на предложенные условия, спорить и торговаться, а сейчас было достаточно и того, что есть – ощущения свалившегося с сердца камня, веры, что и дальше теперь все будет хорошо. Пусть и трудно, но к трудностям не привыкать. В восемнадцатом году было не легче. Исчезло тоскливое чувство бессилия и безысходности, а остальное не страшно. Его состояние можно было сравнить с чувствами человека, уже на эшафоте получившего Высочайшее помилование. Замену повешения на каторгу.

Ньюмен, понимая это, держался раскованно и благодушно, словно сам получил внезапно дорогой подарок. Извлек из крокодилового, с золочеными уголками портфеля квадратную бутылку редкого, якобы пятидесятилетней выдержки, шотландского виски с винокуренного заводика, поставляющего свою продукцию ко двору британских королей не то пятьсот, не то шестьсот лет подряд.

– Одним словом, где-то между их Хартией вольностей и вашей Куликовской битвой начали свой бизнес, – сказал американец, продемонстрировав глубокие познания в мировой и российской истории.

Генерал сделал два мелких глотка, из вежливости почмокал губами и состроил понимающее лицо. Шедевр, мол...

– А вы что, настолько интересуетесь Россией, что и дату Куликовской битвы знаете?

– Отчего же нет? Уж если я чуть не весь словарь Даля наизусть выучил, то сотню-другую дат... Вы же, к примеру, помните, когда сражение на Католаунских полях состоялось?

– В 451 году, – машинально ответил Врангель. – Так мне по должности положено, а вас что заставило?

– Будем считать, что любопытство. Язык изучил, потому что вообще к лингвистике склонен, а раз язык знаешь, книги начинаешь читать, что с ним еще делать? Начитавшись Лермонтова, Достоевского и Ключевского, не можешь больше относиться к этой стране как к чужой. Тем более что Америка ведь довольно скучная страна, по сравнению с ней Россия – как чужая планета. А итогом всего явилось мое нынешнее путешествие и эта вот беседа. Не правда ли, странно, Петр Николаевич, что желание никому не известного юноши из Сан-Франциско двадцать лет назад изучить русский язык теперь может способствовать спасению великой державы? От каких пустяков зависят подчас судьбы мира, а?

– Да уж, пути господни неисповедимы, – согласился Врангель, отодвигая от себя рюмку.

– Неужели не понравилось? – простодушно изумился американец. – Впрочем, конечно, без содовой и льда... Хотя сами шотландцы содовой не признают, предпочитают разбавлять виски чистой родниковой водой.

– Нет, совсем не плохо. Есть этакое своеобразие, оригинальный вкус, просто я избегаю крепких напитков...

– Ну не бывает же правил без исключений. Сегодня такой повод! А может, прикажете подать водки, и выпьем мы с вами как следует. За успех нашего безнадёжного предприятия... – и громко засмеялся своей шутке.

– Рад бы, как во времена гвардейской молодости, но увы... Сердце после тифа беспокоит, и голова нужна постоянно свежая. Разве что шампанским могу компанию поддержать.

Откупорили бутылку, чокнулись, послушали тонкий, долго не стихающий звон. Чтобы отвлечься, Врангель стал вдруг вспоминать свое участие в японской войне, а Ньюмен сказал, что побывал на Англо-бурской и еще кое-где, чем значительно поднял свой авторитет в глазах генерала. Естественным образом перешли к перипетиям войны нынешней.

– Что меня у вас удивляет, Петр Николаевич, так это абсолютная безответственность высшего командования. Русский генерал может отказаться выполнить приказ старшего начальника, может его публично оспаривать, равнодушно наблюдать, как неприятель громит соседа, и не прийти на помощь. Это очень неправильно...

– Зачем же обобщать, – обиделся Врангель, принявший слова гостя и на свой счет тоже. Он ведь резко конфликтовал с Деникиным и по военным, и по политическим вопросам, добивался его смещения, – кроме того, надо же учитывать специфику гражданской войны...

– Не в гражданской войне дело. То же случалось и на германской, и на японской, и на всех прочих. Не обижайтесь, но причина в том, что Россия все-таки держава военно-феодалная. И названные мной особенности суть пережитки феодального устройства, не слишком изменив-

шиеся со времен битвы на Калке. У немцев бы вам поучиться... Ну, бог даст, этот вопрос мы тоже порешаем в свое время...

Часы в углу кабинета, равнодушно махавшие маятником со времен обороны Севастополя, больше полувека подряд, прозвонили три раза.

– О, как поздно уже! – поразился Ньюмен. – Утомил я вас, простите великодушно. Позвольте откланяться. Завтра я, если не возражаете, заеду к вам часиков так в одиннадцать. Тогда и поговорим серьезно, по-деловому. Не возражаете? Других планов у вас нет?

– Если бы даже и были, нетрудно и поменять. У меня к вам тоже найдется несколько вопросов...

Генерал лично проводил гостя вниз по лестнице и вышел с ним в сад. Густо пахло можжевельником, высокие, в два человеческих роста, кусты которого образовывали темную прямую аллею. Трещали цикады, и опускающаяся к горизонту луна освещала зеленоватым светом вытертые мраморные плиты.

С непривычки генерал выпил, по его меркам, многовато, голова слегка кружилась, но приятно, и хотелось говорить еще и еще. Больше-то ему, не роняя достоинства, по душам поговорить не с кем. Разве что с женой, но это совсем другое. Ну и с Шатиловым иногда.

Он положил руку на локоть американца. Сказал как бы в шутку:

– А признайтесь, Эндрю, вы случайно не посланец князя тьмы? Как-то странно у вас получается. Три тонны золота, без расписки, без условий... Так ведь не бывает, согласитесь. Ну и пусть, в конце-то концов. Если речь пойдет о моей душе – пожалуйста! Эту цену за освобождение Родины я заплатить согласен...

Ньюмен весело рассмеялся, хлопнул генерала по мягкому парчовому погону с черным зигзагом и тремя звездочками. Выглядел он куда пьянее Врангеля.

– Ладно, ладно, мон женераль, завтра разберемся. Душу за какие-то три тонны презренного металла? Многовато будет. Да и тем более в таком варианте вы, пожалуй, не слишком бы и рисковали. Я не силен в богословии, но думаю, что господь имел бы все основания признать сделку недействительной и, напротив, даровать вам вечное блаженство... Помнится, в одном из Евангелий сказано: «Больше сея любви никто же не имать, да кто душу свою положит за други своя». Нет, для дьявола это была бы невыгодная сделка... – Он опять рассмеялся и начал прощаться.

– Подождите, я провожу вас до ворот. Там автомобиль, он отвезет вас, куда прикажете.

– Куда ж я прикажу? До катера, конечно, а там на корабль. Слушайте, а может, вместе поедем? Там еще добавим. Я вас с женой познакомлю, с друзьями... Чудесно время проведем.

Еле-еле генерал сумел усадить разгулявшегося гостя в автомобиль. Дождался, когда скроется за поворотом отблеск фар на брусчатке, и медленно, приволакивая ногу, пошел к дому. Остановился на верхней площадке лестницы и долго курил, глядя на море, где вдали сияли огни американского парохода...

ГЛАВА 4

На прием к Врангелю Новиков собрался лишь на третий день после прибытия в белый Крым. Он специально решил не спешить, нужно было сначала хоть немного обжиться в новой для себя обстановке. Впрочем, новой она могла показаться только на первый взгляд, а чем больше он в ней осваивался, тем больше знакомых черт всплывало из-под верхнего слоя повседневности.

Мало того, что очень многое начинало восприниматься как знакомое и почти родное при воспоминании о старых кинокартинах, фотографиях, открытках, когда-то прочитанных книгах, но еще чаще Андрей испытывал пронзительно-грустное чувство узнавания эпизодов собственного детства, мелких и мельчайших деталей, казалось бы, давно и прочно забытых.

В начале пятидесятых годов, оказывается, сохранялось еще очень многое из реалий нынешней жизни, особенно в маленьких провинциальных городах, где Андрею приходилось бывать в гостях у родственников отца.

И, бродя по улицам Севастополя, он вдруг ярко и отчетливо вспоминал – то пыльный, мощный булыжником переулок и запах дыма от летних печек во дворах, на которых тогда, по причине отсутствия газа и дороговизны керосина для примусов, готовили обеды, то надренную бронзовую табличку «Для писемъ и газетъ» над прорезью в двери, то особой формы латунную дверную ручку или деревянные ставни с кованой железной полосой и болтом для запираения на ночь... Да и просто старые, кривые, пожухлые от летней жары акации, которые с шестидесятых годов вдруг перестали высаживать на городских улицах, непонятно почему. Милые такие, трогательные детали, но за день бесцельного хождения по улицам их набиралось множество, и Севастополь в отдельных своих частях постепенно становился таким же близким, как запечатленные в памяти уголки Геленджика, Пятигорска или Сухуми... Так отчего-то нравившиеся ему в детстве именно своей «старинностью», будто он догадывался о будущем возвращении в безвозвратно потерянный для всех остальных мир.

Гораздо большим потрясением оказалось знакомство с населяющими город людьми.

Новикова поразила невероятная концентрация в не таком уж большом городе умных, интеллигентных, несмотря на тяготы гражданской войны, – независимых и гордых лиц. Только здесь он окончательно убедился, насколько изменился за послереволюционные годы фенотип народа, к которому он сам принадлежал. Ведь даже в Москве в семидесятые и восьмидесятые годы он, живший в окружении людей со сплошь высшим образованием и занимавшихся исключительно интеллектуальной деятельностью, редко-редко встречал подобное. А если и да, то как раз среди чудом уцелевших и доживших, вроде старого, как Мафусаил, преподавателя латыни...

Он даже сказал сопровождавшей его в прогулках Ирине, что Крым является сейчас неким «Суперизраилем», в смысле пропорции образованных и талантливых людей на душу населения.

– Создать здесь соответствующие бытовые и экономические условия, так Югороссия процветет исключительно за счет интеллектуального потенциала не хуже, чем Венеция эпохи дождей или Тайвань... Вон, посмотри, – он кивнул в сторону группки молодых людей в студенческих фуражках, о чем-то оживленно спорящих под навесом летнего кафе. – Из них половина наверняка будущие Сикорские или Зворыкины...

Неизвестно, из чего Новиков сделал вывод именно о таком направлении дарований этих юношей, но лица у них действительно были хорошие, открытые и умные, а главное, даже на исходе гражданской войны они оставались именно студентами, а не командирами карательных отрядов, сотрудниками губернских ЧК или секретарями уездных комитетов РКСМ. Следовательно, имели иммунитет к охватившей Россию заразе.

И таких людей попадалось им достаточно много. То есть – освобождать и строить новую Россию было с кем. Оставалась главная трудность. Для решения ее Новикову предстояло вновь напрячь все свои способности психолога, а кое в чем припомнить и навыки товарища Сталина, с которым они не так давно пытались переиграть Великую Отечественную войну.

И снова они, пять мужчин и четыре женщины (из которых две являлись в какой-то мере инопланетянками), оказались вброшены волей неведомых сил и с неизвестной целью в Реальность, пока еще ничем не отличающуюся от тысяча девятьсот двадцатого года по Рождеству Христову. На самом ли деле это так или снова их окружает вымышленная кем-то действительность, еще предстояло узнать.

Удастся им воплотить в жизнь свой план или нет – пока сказать невозможно, однако делать то, что задумали, нужно в любом случае. Они, за исключением Олега Левашова, имеющего собственные взгляды на проблемы социализма, решили попытаться дать России еще один шанс.

А для этого необходимо сделать своим союзником последнего вождя антибольшевистской России – генерала Врангеля.

Безусловной удачей было то, что им удалось уйти из Замка, операционной базы пришельцев-форзейлей, не просто так, голыми, босыми и с котомкой за плечами, а вместе с пароходом, трансатлантическим лайнером в тридцать тысяч тонн, внешне похожим на знаменитый «Титаник». На «Валгалле» можно было без особых лишений прожить жизнь, оказавшись даже в мезозое. Корабль их был оснащен всякими интересными приспособлениями, вроде молекулярного дубликатора и установки внепространственного совмещения. Конечно, проще всего – удовлетвориться имеющимся и провести остаток дней в том времени, куда довелось попасть, наслаждаясь покоем, комфортом и непредставимым для всех прочих обитателей Земли богатством. Но... какой нормальный русский интеллигент оказался бы в состоянии существовать в эмиграции, зная не только то, что происходит в твоей стране в данный момент, и то, что произойдет с ней в ближайшие шестьдесят лет, а еще и сознавая, что ты в силах был, но не захотел все это предотвратить. И, таким образом, все 60 или 100 миллионов жертв (кто как считает) приходится, прямо или косвенно, и на твой счет тоже...

Петр Николаевич оказался похож на свои фотографии не больше и не меньше, чем любой сорокалетний человек. Правда, на снимках он не пытался скрыть, что позирует все-таки для истории, а не для семейного альбома.

Разговор у них получился полезный и плодотворный, причем Новиков с долей неприятного удивления заметил, что привычки и характер Сталина застряли у него не только в памяти, но и в подсознании. То есть он, оставаясь самим собой, вел смысловую часть переговоров, а Иосиф Виссарионович словно подсказывал, как, когда и о чем умолчать, а в какой момент нанести резкий жалящий удар прямо в болевой центр партнера. Это было полезно дипломатически, но не слишком совместимо с характером Андрея.

Явившись в резиденцию Главнокомандующего под маской американца Ньюмена, Новиков понимал, что делает рискованный шаг. Мистификация такого масштаба, раскройся она раньше времени, способна была безнадежно испортить дело, но и другого пути Андрей не видел. Соотечественник, даже очень богатый, вряд ли смог бы поставить себя так, чтобы говорить с Верховным правителем на равных, а подчас и с позиции силы. Тут как минимум нужно быть князем императорских кровей, а такую роль перед бароном и гвардейским генералом Новиков исполнить не брался. То ли дело заокеанский толстосум. Его можно изображать хоть на грани пародии, руководствуясь, на первый случай, схемой милейшего графа Монте-Кристо. И личными воспоминаниями о встречах с американскими журналистами и дипломатами в Никарагуа, Панаме, Гватемале.

Первая встреча, по всем признакам, прошла удачно. Голову генералу он заморочил основательно, а любые промахи и стилевые просчеты надежно маскировал «бриллиантовый

дым», точнее – блеск двадцатичетырехкилограммовых слитков южноафриканского золота. И наживку Врангель проглотил. Спать, несмотря на пожелание гостя, он до утра не будет. Новиков мог бы подробно воспроизвести ход его возбужденной мысли, все приходящие в генеральскую голову «за» и «против» и с девяностопроцентной уверенностью спрогнозировать его дальнейшие действия. Десять процентов он относил на счет издерганной за годы войны психики Верховного и «неизбежных на море случайностей».

Остаток ночи Андрей провел в непринужденной, но важной для определения дальнейшей стратегии беседе с Берестиным и Шульгиным.

Прочих членов их команды происходящее, как выяснилось, волновало мало. Что и неудивительно. Это в условиях неопределенности предстоящей судьбы, когда они не знали, что и как с ними будет, проблемы грядущего дня волновали каждого, а теперь все обстояло иначе.

Наталья Андреевна с Ларисой, убедившись, что ситуация на ближайшее время определилась, полностью погрузились в предвкушение ожидающей их светской жизни. Белый Крым, перенасыщенная концентрация аристократов, включая природных Рюриковичей и иных весьма знатных особ, перспектива приключений в духе пресловутой Анжелики, а в случае неудачи нынешних планов – возможность продолжить подобное существование в любой другой точке цивилизованного мира совершенно избавили их от интереса к скучной технологии жизни. Что, с одной стороны, было удивительно, а с другой – вполне объяснимо, ибо женщины любого исторического периода, убедившись в способности близких им мужчин регулярно убивать мамонтов или обеспечивать бесперебойную оплату счетов из модных магазинов, более не считают себя обязанными руководить их повседневной деятельностью.

Левашов, заявив о несогласии с намерением своих друзей поддержать Белое движение, целиком отдался проблемам теоретической хронофизики и текущими вопросами решил не заниматься принципиально.

Воронцов продолжал исполнять свои капитанские обязанности и в нынешней Реальности испытывал интерес только к остаткам Черноморского флота, который с удовольствием бы возглавил, чтобы не допустить его бесславной гибели в Бизертской луже.

Ирина полностью разделяла нынешнюю позицию Новикова, но считала, что не вправе как-то вмешиваться в земные дела, если они ее не касаются непосредственно, а Сильвия загадочно молчала, изображая абсолютный нейтралитет.

Посему вся тяжесть активной дипломатии и практической геополитики легла на плечи Новикова, Шульгина и Берестина, которые приняли такой расклад с плохо скрываемым удовлетворением. Ведь, как известно, еще Джером Джером сформулировал, что серьезные дела лучше всего вершить вдвоем – вдвоем скучно, а четверо и больше неизбежно разбиваются на группы и партии...

В начале двенадцатого Новиков появился во дворце. Врангель встретил его у дверей, одетый во все ту же неизменную черкеску, хотя, с точки зрения психолога, ему следовало бы для такого случая надеть летний белый китель с одним или двумя высшими орденами.

Стол для легкого завтрака был накрыт в саду, в заплетенной виноградом беседке. Начал генерал с того, что порадовал гостя последними сообщениями с фронта. Наступление развивалось успешно, разрозненные и нерешительные попытки красных войск контратаковать были отбиты почти без потерь.

– Это отрадно, – вежливо кивнул Новиков. – И еще раз подтверждает необходимость действовать решительно и быстро. Обстановка ведь может и измениться. Принимая во внимание развитие событий в Польше. Так что чем раньше мы с вами придем к соглашению...

– Надеюсь, что так и будет. Но вы пока не изложили ваших условий, а без этого с чем же соглашаться?

Сегодня Новиков сменил маску, держался ровно, вежливо, но холодновато. Меланхолически позванивал ложечкой в стакане чая с лимоном, равнодушно жевал бутерброд с икрой. Отказался от вина и коньяка.

– Вы удивитесь, Петр Николаевич, но я не потребую от вас ничего. Да вы бы и сами могли догадаться – ну что вы, в вашем нынешнем положении, могли бы предложить мне, во-первых, настолько богатому, чтобы бесплатно предоставить вам неограниченный кредит, а во-вторых, являющемуся всего лишь частным лицом и, значит, не имеющему возможности претендовать на какие-то экономические и политические преимущества, соразмерные объему моей помощи. Я же не король и не президент... Нет, я не исключаю, что после победы не попрошу вас о некоем мелком знаке внимания. Например, пожаловать мне титул князя или сдать в аренду озеро Селигер для постройки родового замка... – Новиков развел руками, как бы давая понять, что слова его следует принимать с долей юмора.

– И только? – спросил Врангель, не приняв предложенного тона. Новиков вздохнул. Ну что, мол, с тобой поделаешь...

– Пусть будет по-вашему. Не только. В качестве ответной любезности с вашей стороны я бы просил позволить мне и моим друзьям принять участие в войне.

На лице генерала отразилось недоумение:

– Личное? И в каком же качестве?

– В двояком. Во-первых, на основании джентльменского соглашения я беру на себя обязательство оказывать вам любую финансовую и техническую помощь, а вы признаете меня своим политическим и военным советником. Разумеется, строго конфиденциально. О моем легальном статусе мы условимся позже. А так вы просто будете прислушиваться к моему мнению, а принятые нами совместно решения – оформлять в виде своих приказов. Иногда нам, наверное, придется спорить, и даже остро, но аргументированно. Без амбиций и взаимных обид.

– Н-ну, допустим, – постукивая пальцами по столу, выдавил из себя Врангель. – Дальше...

– Во-вторых, мой друг и компаньон генерал... назовем его Берестин, получает статус главного военного советника. С правами, аналогичными моим в отношении стратегических вопросов ведения кампании...

Генерал шумно вздохнул.

– Я не нуждаюсь в военных советниках. Тем более не имею чести знать названное вами лицо. В известных мне войнах такой генерал своего имени... не прославил.

– Само собой. Вы только упускаете, что были и... малоизвестные вам войны. А также и то, что не всегда одни и те же люди входят в историю под одним и тем же именем. Но это к слову. А главное – ваши слова звучали бы убедительно в случае, если бы мы с вами завтракали сейчас не в Севастополе, а в Гатчине, большевики же рыли окопы на Пулковских высотах...

– Знаете, господин Ньюмен...

– Знаю, все знаю, господин генерал. Оставьте амбиции. Или вы хотите спасти Россию, и тогда мы вместе сделаем это, или вам желательно еще пару месяцев побыть единовластным и непогрешимым правителем. Хозяин – барин, как говорится. Я могу уплыть по своим делам сегодня же. То, что вы уже получили, останется вам. На пару месяцев хватит, и в эмиграции первое время бедствовать не будете. Ну, а все остальное, включая золото, валюту, тысяч двадцать винтовок, сотню пушек, боеприпасы на полгода войны и много других интересных вещей, разумеется, уплывет со мной. Есть много мест, где на них имеется спрос...

Андрей понимал, что негоже так грубо ломать человека, с которым собираешься сотрудничать, но знал и то, что авторитарные лидеры подобного типа склонны поддаваться именно бесцеремонной и грубой силе. В этом, кстати, отличие американской (которую он в данный момент олицетворял) политики от русско-советской. Американцы давали своим сателлитам

все, что они хотели, но взамен требовали безоговорочного подчинения. Посол США в любой банановой республике вел себя, как пахан в зоне, советские же вожди от лидеров стран, «избравших некапиталистический путь развития», мечтали добиться того, чего Остап так и не добился от Кореико. То есть искренней любви. На кой хрен она им была нужна – до сих пор непонятно. А взамен получали... Причем во всех «братских» странах одинаково, независимо от их географического положения и уровня развития. Дураков не любят нигде.

– Грузоподъемности моего парохода и моих связей с командованием оккупационных войск в Турции хватит и для того, чтобы за пару недель перебросить в Крым все имущество Кавказской армии, оставленное в Трапезунде, и тысяч тридцать солдат и офицеров, интернированных там же...

И замолчал, давая Врангелю время подумать и принять решение, не теряя лица. Сам налил себе полбокала чуть зеленоватого сухого вина, извлек из портсигара первую в этот день сигару.

Расчет его оказался верным. Что Врангель примет его предложение, он не сомневался, не смог угадать только, в какую форму тот облечет свое согласие. А Врангель сумел за краткие минуты проявить и самообладание, и определенное остроумие.

Барон как-то сразу согнал с лица раздражение и неприязнь, разгладил жесткие складки у рта.

– Кажется, я понял, о чем вы говорите. Вам хочется поучаствовать в своеобразном сафари? И вы согласны уплатить за это развлечение определенную сумму. Думаю, на таких условиях мы можем прийти к соглашению. Егерь находит зверя, охотник стреляет. После окончания охоты они расстаются, довольные друг другом...

– Браво, генерал, лучше я и сам не смог бы сформулировать. На том и поладим.

Наблюдая Врангеля, разговаривая с ним уже второй день, Новиков вдруг понял, что все это время он понимал генерала неправильно. Попад в плен навязанных литературой и историческими исследованиями стереотипов, он не уловил в нем главного. Врангель ведь по натуре – авантюрист и романтик. Учился в престижном Горном институте, потом вдруг пошел вольноопределяющимся в гвардию, сдал экзамен на офицерский чин, с блеском окончил Академию Генерального штаба, в тридцать семь лет стал командиром кавалерийской дивизии, умело и рискованно сражался во главе Кавказской армии, в сорок лет свалил Деникина и стал Верховным правителем, в момент, когда не оставалось надежд не то что на победу, а и на то, что Слащев удержит крымские перешейки, лютой зимой, в чистом поле, с горсткой офицеров и юнкеров. Что же это, как не авантюризм пополам с неукротимой верой в свою счастливую звезду?

Вот на этих чертах его характера и надо играть, а не убеждать его с позиций американского прагматизма!

Новиков придвинул кресло к столу, подался вперед и даже поманил генерала рукой, приглашая его к себе поближе.

– А знаете, Петр Николаевич, я теперь, пожалуй, раскрою вам свою главную тайну. Она проста, хоть и не совсем обычна по нашим меркам. Я ведь тоже по происхождению русский. Тут вы почти догадались. Иначе зачем бы мне, в самом деле, тратить деньги на столь сомнительное дело? Проницательный вы человек. Другого я бы еще долго морочил болтовней про бескорыстную мечту о спасении чужой страны. Да кому мы нужны, кроме нас самих! Все эти иностранцы только радуются гибели настоящей России. А с большевиками они договорятся. Вот и нам нужно договориться, пока не поздно.

Он еще налил себе в бокал шампанского, залпом выпил (это тоже входило в рисунок образа).

– А откуда столько денег, спросите вы. Отвечу. В Америке о таком не принято спрашивать, а здесь можно. Никаких страшных тайн и старушек-процентщиц. У нас сейчас какой год, двадцатый? Ну вот, значит, в самом конце девяносто девятого мы с друзьями, четыре гим-

назиста последнего класса, юноши с романтическими настроениями, сбежали из дома. Поездом до Одессы, пароходом до Каира, оттуда в Кейптаун. Великолепное путешествие, доложу я вам. Англо-бурская война, как вы помните, всеобщий подъем, песня еще была: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» Да, повоевали. Мой друг Алексей Берестин, которого я вам в советники предложил, до фельдкорнета дослужился. Это у нас корнет – обер-офицерский чин, а у буров фельдкорнет – почти генерал. Но война и сама по себе дело не слишком чистое, а там... Причем с обеих сторон. Буры – они колонизаторы и расисты еще почище англичан. В общем, когда дело к концу пошло, решили мы, что с нас хватит. Тем более с кафрами местными подружиться успели. Мы-то, русские, народ ужасно жалостливый и склонный ко всяким инородцам с сочувствием относиться, как к братьям меньшим. Они это оценили...

Импровизация увлекла самого Андрея. Он повторял сейчас кое-что из того, что рассказывал при вербовке капитану Басманову, и попутно добавлял новое, компилируя ранее читанные авантюрные романы и свои еще детские фантазии. Получалось, именно за счет этого, убедительно. Он не излагал заученную легенду, а словно бы вспоминал, привирая по ходу, как это свойственно охотникам и солдатам. Врангель, стихийный психолог, поскольку вождь по призванию, обратил на это внимание и поверил, особенно по контрасту с прежним, как бы заранее отрететированным поведением странного гостя.

– Короче, – продолжал Новиков, – отступили мы на север, с месяц прожили у кафров в деревне, и они, наконец, то ли в благодарность, то ли чтобы от нас отделаться, показали нам дорогу к тамошнему Эльдорадо. Про Клондайк знаете? Полная ерунда тот Клондайк. Столби участки, потом неделями промывай песок... Мы нашли ЖИЛУ! Вы б ее видели! Самородки – от фунта до пуда. И их там было... Тонны и тонны! Забота одна – как все вывезти. Но сейчас не об этом. Чтоб не думали, будто я так, болтаю, я вам самородок подарю. Вы ж горный инженер, вам интересно будет, он у меня вместо пепельницы в каюте стоит. Восемь фунтов и сколько-то унций, а по форме – будто морская раковина. В самый раз, одним словом. Ну так вот, разобрались с золотом, почувствовали себя состоятельными людьми, решили заняться алмазами. В Южной Африке их тоже навалом. Буссенара читали? А когда деньги несчитанные имеются, все остальное – вопрос техники. Сейчас мы владеем десятью месторождениями с урожайностью до пяти тысяч каратов в год с каждого.

Причем алмазы не технические, а ювелирные, почти каждый можно сразу в перстни вставлять... Живи и радуйся. Но мы же молодые тогда были, едва за двадцать, и вдруг стали богаче Креза. Даже неизвестно, насколько богаче. Если бы выбросить все нами добытое на рынки, получилось бы, как у испанцев в XVI веке – под американское золото элементарно не нашлось в Европе товаров. И тогда мы решили просто жить. То есть использовать свои деньги для обеспечения интересного и абсолютно свободного существования. Но большие деньги имеют загадочное свойство – они как бы деформируют вокруг себя реальность...

Новиков и сам не заметил, как начал говорить серьезно, то есть в аллегорической форме излагать Врангелю некую философскую квинтэссенцию того, что произошло с ними на самом деле. Да и неудивительно. Генерал был первым посторонним человеком в этом времени, с кем ему довелось беседовать на подобные темы. Причем личностью Врангель был далеко не ординарной. Независимо от оценки, данной ему не слишком добросовестными интерпретаторами истории.

– Деформируют реальность... Или, проще сказать, наличие возможностей, выходящих за пределы нормы, как бы повышают уровень этой самой нормы. Да вы и по себе можете судить – с человеком вашего возраста и профессии, но застрявшим в подполковничьем чине, и приключения случаются соответствующие, примеры сами придумайте, а вот вы стали генерал-лейтенантом, и вокруг вас завертелись совсем другие шансы. Один знакомый поэт так выразился: «А рядом случаи летали, словно пули... Одни под них подставиться рискнули, и ныне кто в

могиле, кто в почете...» В общем, не успели мы обратить какую-то мизерную долю наших сокровищ в доллары и фунты, приобрести приличные дома и замки, пароход вот этот – подвернулась информация о сокровищах ацтеков. Снова совсем как в романах. А романы, кстати, тоже не на пустом месте создаются. Был я знаком с одним настоящим американцем, писателем, рассказывал ему о своих приключениях, Джек Лондон его звали, так он, творчески их переработав, именно роман и написал. «Сердца трех» называется. Увлекательный, хотя там многое совсем по-другому изложено, и главных героев он американцами сделал. Но в основе все верно. В общем, собрались мы, поехали. И нашли, что тоже поразительно. Правда, заодно пришлось почти год в Мексике повоевать. У них, как вам известно, тоже гражданская война происходила. То на одной стороне мы сражались, то на другой. Пока нужную нам провинцию и от тех и от других освободили. Проникли в затерянный в джунглях древний город. А там...

Врангель не сразу стряхнул с себя навеянное рассказом Новикова наваждение.

– Да, есть многое на свете, друг Горацио... Так, а что же сюда вас привело? Внезапно пробудившийся патриотизм? Желание, подобно Кузьме Минину, достояние свое на алтарь отечества положить?

– И это тоже, несмотря на ваш скептицизм. Но – не только. Я же намекнул – вокруг нас все время странные события происходят. Недавно нам стало известно, что в России в определенном месте хранится нечто настолько заманчивое... Вот угадайте, ваше превосходительство, к чему такому могут стремиться люди вроде нас, если и так в состоянии купить любой мыслимый товар или услугу. Подумайте, подумайте, Петр Николаевич, а я пока покурю.

– Так что же? – спросил генерал, не расположенный играть сейчас в загадки.

– А вот, например, здоровье можно купить за самые большие деньги, когда его уже настоящему нет, или тем более вечную жизнь?

Новиков, попыхивая сигарой, наслаждался реакцией Врангеля на свои слова.

– Что, опять усомнились в моей нормальности? И снова зря. Пора бы уж привыкнуть. Неужели вы думаете, будто такого умного человека, как вы, я стал бы сказками морочить? Или, прожив двадцать лет вдали от Родины, именно сейчас голову и на самом деле немыслимые деньги просто так, ради абстрактной идеи, на кон поставил? Большевики мне категорически не нравятся, и Россию от них, не считаясь с затратами, избавить нужно, что мы с вами, даст бог, сделаем. Однако жизнь, пусть не вечная, но неограниченно долгая, цель куда более заманчивая. А способ ее обеспечить как раз и хранится в той части России... И я с вами этой тайной поделюсь. Нет-нет, сейчас никаких подробностей. Достаточно вам будет знать, что не только капиталы мы наживали, по Африкам и Америкам скитаясь, но и многими тайнами допотопных (в буквальном, хронологическом смысле) жрецов и мудрецов овладели. Эзотерическими, как принято выражаться, знаниями. Я вот, к примеру, не только осведомлен, что после перенесенного в прошлом году тифа вы до сих пор еще не оправились, и ноги у вас отекают, и сердце частенько перебои дает... Я и день вашей безвременной кончины знаю... Нет, вы еще поживете, и не год, и не два, но куда меньше, чем следовало бы...

Врангель на слова Андрея отреагировал спокойно. Человеку военному и мужественному, если бы он и поверил предсказателю, куда важнее узнать, что его не убьют в ближайшие дни, а что там через годы будет... Совсем несущественно.

– Вы не тревожьтесь, болезнь вашу мы вылечим. Быстро и навсегда. Тогда до глубокой старости проживете, если несчастного случая не приключится... Сегодня же вечером, если позволите, нанесу вам визит в сопровождении некоей молодой дамы, в совершенстве владеющей искусством древних магов. Она за один сеанс вас полностью излечит. Под наблюдением вашей супруги и личного врача, если угодно, чтобы лишних разговоров не было.

Расчет Новикова был в принципе беспроеигрышный. Сколь бы скептически ни был настроен человек, он вряд ли откажется от шанса на излечение от мучительного недуга, тем

более если чувствует, что болезнь серьезна, а врачи обыкновенные могут лишь облегчать страдания.

Ну а после успешного сеанса терапии Новиков рассчитывал повести свою политику по распутинской схеме. Маг, целитель, да еще и финансист сможет добиться политических успехов в пока еще крошечной белой России куда быстрее, чем апеллирующий к чистому разуму и здравому смыслу заокеанский советник. Вам тут, чай, не Швейцария.

– А вот когда все у нас будет в порядке, и в личных отношениях, и на фронтах, тогда и к Главной тайне обратимся. Удивительнейшая, я вам скажу, история. Во всех отношениях невероятная, но процентов на девяносто подлинная...

– Вы мне тогда еще вот какой момент проясните, – не утратил скепсиса генерал, – для чего все так сложно? Сами же говорили, что большевики куда практичнее нас, несчастных идеалистов. Приехали бы к ним в Москву под той же самой личиной, что и ко мне явились, предложили им сумму в тысячу раз меньшую, и они бы вам позволили делать, что заблагорассудится. Искать свое тайное сокровище в тверских лесах или устроить раскопки на Красной площади... Особенно, если бы вы еще и протекцию в деловых кругах Америки посулили...

– Упрощенно рассуждаете, Петр Николаевич. Мало того, что с большевиками мне по чисто эстетическим соображениям сотрудничать не хочется, так они, исходя из своих моральных принципов, с куда большей вероятностью шлепнули бы меня у первой подходящей стенки, нежели отпустили восвояси с добычей...

– А у нас того же не опасаетесь? – Губы Врангеля чуть скривились в намеке на усмешку.

– У вас – нет. По ряду причин. В том числе и потому, что у меня имеется небольшая личная гвардия. Несколько десятков бойцов, но таких, что каждый стоит взвода, если не больше, а отряд целиком – как бы не дивизии. Красные мне со своим вооруженным отрядом к ним приехать не позволят, а у вас... Мои ребята и на фронте полезными будут, и от разных других неожиданностей подстрахуют. Я их вам покажу в деле, сами поймете.

– Иностраннный легион?

– Нечто вроде, хотя там и русских много. В случае необходимости я с этим войском и без вашей поддержки до Москвы и дальше смог бы прорваться, где по-тихому, где под повстанцев или бандитов маскируясь. Но если с вами вместе, да попутно и гражданскую войну прекратить – гораздо полезнее будет.

– Хорошо, Андрей Дмитриевич, я еще раз обдумаю ваши предложения. Жду вас в восемь часов вечера у себя дома. Вместе с вашей спутницей. Да, кстати, что вы там о двадцати тысячах винтовок говорили? И еще о боеприпасах. Не буду скрывать, в передовых частях у нас жесточайший патронный голод.

ГЛАВА 5

Вернувшись на «Валгаллу», Новиков сообщил друзьям о результатах очередной встречи и начал готовиться к вечеру. Они с Ириной полистали соответствующую литературу, чтобы уточнить, в каких туалетах прилично появиться на ужин к Верховному. Но, к сожалению, протокол и этикет ситуацию гражданской войны не предусматривали, и они решили ограничиться приличными, но скромными костюмами темных тонов, ориентируясь на американские, а не российские придворные стандарты. Заодно обсудили режиссуру обряда исцеления. После этого Андрей зашел за Берестиным, и они по крутым трапам, резко отличающимся от обычных, устланных коврами лестниц парадной части корабля, спустились в недра корпуса, где под защитой бортовых коффердамов и трехсотмиллиметровой керамико-титановой брони размещалась епархия Олега Левашова.

Здесь, в нескольких смежных отсеках был оборудован компьютерный зал, примыкающий к нему рабочий кабинет с библиотекой, установка пространственно-временного совмещения, работающая, впрочем, после известных событий в Замке только для создания внепространственных переходов в пределах Земли, а также два больших ангара с изготовленными из массивных медных шин контурами дубликаторов.

Чтобы не испытывать габаритных ограничений, доставивших им немало неудобств на «Валгалле», Олег сделал контуры такими, что в них свободно поместился бы и товарный вагон. И теперь любой предмет, имеющийся хотя бы в одном экземпляре на Земле или на складах корабля, мог быть воспроизведен в виде молекулярных копий в каких угодно количествах.

Но с этим тоже оставались сложности, не практические, психологические всего лишь, а то даже и идеологические.

Олег, старый и верный друг, благодаря невероятным техническим способностям которого и стала возможной вся предыдущая история, каким-то необъяснимым озарением создавший чуть ли не из старых консервных банок и допотопных электронных ламп первый действующий макет своего аппарата, превратился сейчас в тихого, но непримиримого противника. Он, никогда не афишировавший своих политических пристрастий, демонстрировавший, скорее, разумный неконформизм в отношении к советской власти, проявил себя вдруг ортодоксальным коммунистом. Или консерватором, если угодно.

Как только «Валгалла» пересекла межвременной барьер и стало очевидно, что двадцатый год надолго, если не навсегда будет их единственной Реальностью, Новиков со товарищи решили устроить этот мир более разумно, чем в прошлый раз, то есть не допустить окончательной победы красных в полыхающей гражданской войне.

И, неожиданно для всех, Олег встал на дыбы. Мысль о том, чтобы выступить на стороне белых, показалась ему настолько чудовищной, что он на некоторое время утратил даже элементарную корректность по отношению к друзьям. Что дало повод Шульгину, знатоку и поклоннику романов Дюма, напомнить ему аналогичную коллизию среди мушкетеров из «Двадцати лет спустя». А Новикову предпринять более сильные меры психологического плана.

Левашов вернулся в определенные их прежними отношениями рамки и признал, что истинные ценности дружбы выше любых идеологических пристрастий, но выторговал себе право Неучастия. В полном соответствии с канонами одной из ветвей буддизма. И он же, принципиальный и потомственный атеист, самостоятельно сформулировал одно из положений, содержащихся в трудах отцов Церкви – «Зло неизбежно, но горе тому, через кого оно приходит в этот мир». Короче, он объявил о своем полном нейтралитете и отказе каким бы то ни было образом участвовать в затее своих сумасбродных приятелей. Последнее слово употреблено здесь не случайно – после решительного объяснения Олег настолько отдалился от

повседневной жизни компании, что их отношения действительно можно было назвать всего лишь приятельскими.

Он даже к обедам и ужинам выходил не всегда, ссылаясь на напряженные научные занятия, и лишь одна Лариса знала, чем он занимается в свободное от этих занятий время, если оно у него вообще было.

Вот и сейчас Новиков с Берестиным застали его в рабочем кабинете, похожем на лабораторию сумасшедшего алхимика со средневековой гравюры. Разве что вместо реторт и тиглей на столах мерцали экранами одновременно пять мониторов, кучами валялись книги, стопки исписанных и чистых листов бумаги, какие-то осциллографы, генераторы стандартных частот и прочий электромеханический хлам, ни об устройстве, ни о назначении которого Новиков с Берестиным не имели никакого представления.

Ввиду отсутствия иллюминаторов в кабинете горели лампы дневного света, пахло озоном, канифолью, застарелым табачным дымом. Такая же атмосфера, как в его московской квартире в те далекие и безмятежные времена, когда Олег создавал свою машину.

В расставленных где придется пепельницах кучами громоздились окурки, валялись пустые и полные пачки «Честерфильда», который только и курил Левашов, пристрастившись к нему еще в своих заграничных плаваниях. На верстаке бурлил и хрюкал стеклянный кофейник.

Увидев посетителей, Олег развернулся в винтовом кресле, поднял голову, моргнул несколько раз воспаленными глазами.

– Привет. Случилось что-нибудь?

– Почему вдруг – случилось? – удивился Новиков. – Так зашли, поинтересоваться, куда ты пропал и жив ли вообще. Над чем это ты так заработался?

Берестин обошел кабинет, с высокомерно-недоуменным выражением разглядывая непонятно что делающие машины, потом нашел свободный стул, сел, закинул ногу на ногу, сделал непроницаемое лицо. Будто понятой на обыске.

– Если вам интересно – пытаюсь рассчитать закономерности, о которых говорил Антон. Насчет узловых точек реального времени, в которых возможны взаимопереходы...

– Это ты имеешь в виду перспективу возвращения домой?

– В какой-то мере да, но это уже побочный эффект, главное – установить физический смысл феномена.

– А получается, хоть в первом приближении?

– Брось, а... – неожиданно проронил усталым тоном Левашов. – Тебя же это совершенно не интересует. Зачем пришли?

– Да просто выпить с тобой. Душа болит смотреть, как ты мучаешься, – вместо Новикова ответил Берестин. – Умножая знания, умножаешь скорбь. Глядя на тебя, убеждаешься в справедливости этой истины.

Алексей извлек из внутреннего кармана плоскую серебряную фляжку.

– У тебя стаканы есть?

Левашов принес из ванной три тонких стакана. Андрей счел это хорошим признаком. Похоже, Олег и сам уже устал от своей конфронтации. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, тут классик прав.

Выпили грамм по семьдесят очень старого коньяку. Закусить было нечем, обошлись крепким кофе без сахара, закурили.

Поговорили немного как бы и ни о чем. Андрей с юмором пересказал некоторые моменты своей дипломатической миссии, а Берестин поведал о впечатлениях, которые у него оставило посещение ресторана «Медведь».

– Тебе тоже стоило бы рассеяться. Ты же так еще на берегу и не был? Бери Ларису и сходим, прямо сегодня. Она не против...

– Пока нет настроения, – отрезал Левашов. – Потом как-нибудь.

– Боишься идеологическую невинность потерять? – неудачно сострил Берестин и чуть все не испортил. Новикову пришлось долго и осторожно исправлять ситуацию.

– Ну так что вам все-таки конкретно надо? – вновь спросил Олег, когда выпили по второй и глаза его наконец засветились прежней живостью.

– Двадцать тысяч винтовок, – рубанул Берестин.

– И только-то? А как же договор?

– При чем тут договор? – удивился Новиков. – Речь шла о том, что ты не будешь принимать участия в боевых действиях...

– И выступать на вашей стороне.

– Стоп, братец. – Новиков вновь попал в любимую стихию софистики. – Мы договорились, что ты не будешь выступать на стороне красных, а мы не будем принимать личного участия в боях. Сейчас же мы просим помочь лично нам. Винтовки нужны для осуществления моих собственных планов. Допустим, экспериментально-психологических. Куда я их дену и за сколько – мой вопрос.

– Но ты же их все равно передашь Врангелю...

– А вот это тебя не касается, по смыслу договора. Кроме того, если тебе интересно, моя сделка будет только способствовать уравниванию шансов. В распоряжении красных все оружейные заводы России плюс запасы царской армии, а у белых ничего. Да вдобавок Антанта прекратила поставки, по тайному сговору с большевиками. Неспортивно получается. Как если бы на соревнованиях по лыжам или велосипеду одной команде на трассе можно было заменять сломанный инвентарь, а другой нет...

После мучительных раздумий и колебаний, во время которых Новиков благоразумно молчал, а Берестин наполнил и вложил в руки Олега еще один стакан, Левашов обреченно махнул рукой.

– Ну вас к черту! Сделаю. Но все-таки сволочи вы. Это ведь наших с вами дедов из этих винтовок убивать будут...

– Как сказать, – с растяжкой и словно бы с угрозой в голосе ответил Берестин. – А без этих винтовок сколько наших же русских людей погибнет? В том числе и тех, вообще ни в чем, кроме происхождения, не виноватых детей, женщин и стариков, которых после взятия Крыма твои братья по классу, белые куны и землячки всякие без суда перестреляют?

Левашов скрипнул зубами, но промолчал на этот раз. Давясь, выпил коньяк.

«Не спился бы от чрезмерной принципиальности», – подумал Новиков, раздваиваясь душой между сочувствием к другу и злостью на его бессмысленное упрямство.

– Только ведь двадцать тысяч винтарей – это на четверо суток работы, – слегка заплетаясь языком сообщил Левашов. Спиртное всегда действовало на него удивительно быстро.

– Ты как считаешь, математик? – удивился Алексей.

– Элементарно. По двадцать секунд на винтовку, если дубликатор без перерыва работать будет, как раз четверо суток...

Берестин расхохотался.

– Точно, доработался. До ручки. А ну, шевельни мозгами... Во-первых, делать будем не по одной, а ящиками, это уже пять сразу, а во-вторых, зачем их из дубликатора вытаскивать? Первый ящик изготовить, а потом удваивать всю произведенную продукцию прямо в камере... Посчитай еще раз.

Левашов хлопнул себя ладонью по лбу.

– И правда, крыша едет. Вы кого хочешь доведете. В этом варианте получается, что управимся за пятнадцать минут. Ну, их же еще выгружать из контура придется, в штабеля складировать, к лифту подавать. Для этого можно электрокар приспособить. Короче, за два часа все сделаем, не сильно упираясь...

Радость от решения технической задачи явно пересилила в нем идеологические соображения.

– А какие винтовки будем штамповать?

– Лучше всего – карабины трехлинейные, сорок четвертого года, с откидным штыком. Я Сашке скажу, он тебе образец принесет. Только вот что – ты как-нибудь звезду и год выпуска с казенника спили, во избежание ненужных вопросов. А когда с винтарями закончим, надо будет еще тонн десять золота отшлепать. На этот раз в монетах. Царских и двадцатидолларовых. Идет?..

– Идет. – Левашов тер глаза рукой и всем своим видом показывал, что больше всего ему хочется лечь и отключиться ото всех творящихся в мире безобразий. – В конце-то концов, когда мы с Воронцовым на пароходе оружие возили, то на Кубу, то в Анголу или Мозамбик, нас оно каким краем касалось? Кто стреляет, тот и отвечает, а наше дело ящики в Одессе принять, в Луанду доставить... Я правильно рассуждаю? – Он привстал и направил на Новикова указательный палец.

– Абсолютно. Причем учти еще, что истинным владельцем дубликатора является именно Воронцов, а конструктором – Антон. Так что ты всего лишь для нас с Лешей кнопки понажимаешь, потому как мы в этом деле люди темные. Считаем, что шабашку сбил за поллитра. К судьбам мировой революции данная акция отношения не имеет.

– Ну и хорошо. Я сейчас пойду прилягу, чего-то развозит меня. А потом займусь...

Новиков с Берестиным остановились на площадке трапа, ведущего в палубу кают второго класса.

– Так, товарища успокоили, как любил говорить твой альтер эго, теперь и самим можно отдохнуть, – мрачно пошутил Алексей. – Признаться, я думал, с ним будет сложнее...

– Лишь бы он не передумал, отоспавшись. А сейчас пойдем взглянем, чем наша преторианская гвардия занимается.

Офицеры штурмового батальона изнывали от скуки в своей плавучей тюрьме, хотя она не шла ни в какое сравнение с лагерем для интернированных в Галлиполи, где многим из них пришлось провести по месяцу и больше. Одно- и двухместные каюты, бильярдные, кинозал, библиотека, сауна, хорошая столовая с баром, где, впрочем, подавали только пиво и сухое вино в умеренных количествах, и напряженный график боевой и физической подготовки оставляли не так много времени для праздных мыслей. Однако вид близкого крымского берега, городских огней ночью и прогуливающейся по набережным публики днем, до которых, особенно через оптику мощных биноклей, было рукой подать, вызвали у отвыкших от Родины офицеров естественное желание побыстрее покинуть опостылевший пароход.

Выслушав рапорт исполнявшего обязанности командира батальона капитана Басманова, Берестин предложил пройти в штабной отсек. Туда же пригласили подполковника Генерального штаба Сугорина.

– Считаю своим долгом доложить, что состояние личного состава оставляет желать лучшего, – сказал Басманов, когда все расселись вокруг стола с картами Северной Таврии. – Люди ведут между собой нежелательные разговоры...

– Михаил Федорович слегка драматизирует, – попытался смягчить слова Басманова подполковник. – Хотя, конечно, для поддержания боевого духа полезнее было бы поскорее занять их серьезным делом. Желательно на берегу.

– Для этого мы вас и пригласили. – Новиков нашел комплект карт Северной Таврии. – По смыслу достигнутых с генералом Врангелем соглашений в ближайшее время мы получим возможность испытать батальон в боевой обстановке. Красные силами до трех дивизий с большим количеством артиллерии переправились через Днепр в районе Каховки и захватили плацдарм на левом берегу, который сейчас спешным образом укрепляется. Попытки руководимых генералом Слащевым войск выбить противника с плацдарма успехом не увенчались. Причина

– почти десятикратный перевес неприятеля в живой силе и технике и несогласованность действий белых генералов... – но об этом вам полнее и грамотнее сообщит господин Берестин.

Алексей вновь ощутил себя почти так, как в сорок первом году на совещании высшего комсостава округа в Белостоке. Коротко и четко он обрисовал характер и дислокацию противостоящих войск, показал на картах этапы развития операции.

– В настоящее время Слащев планирует предпринять еще один штурм плацдарма.

– Ничего не выйдет, – категорически возразил Сугорин. – Врангель никогда не подчинит ему войска фронта, а без этого одним своим корпусом он ничего не сделает. На двести верст у Слащева три с половиной тысячи штыков и полторы тысячи сабель. Этого достаточно для маневренной обороны перешейков, но не для наступательной операции с решительными целями. Силы будут растрочены напрасно, а в итоге, когда красные создадут на плацдарме мощный ударный кулак, отразить его будет уже нечем.

Анализ Сугорина поразил Берестина своим полным соответствием тому, что произошло в предыдущей исторической реальности спустя всего два месяца.

– А если Врангель все-таки пойдет на то, чтобы подчинить Слащеву корпус Кутепова и конный корпус Барбовича?

– Вряд ли это возможно. Но если допустить, пусть теоретически, тогда шансы у него есть. И все же стратегической перспективы этой кампании я не вижу...

– Естественно, – согласился с ним Берестин. – С точки зрения генерала Леера, при отсутствии мощного главного резерва такая операция перспектив не имеет. Однако вы тоже кое-чего не учитываете.

– Позвольте мне вмешаться. – Новиков не хотел сейчас допустить долгого и по сути бессмысленного спора. Слишком разными категориями оперировали его участники. – Вы, Петр Петрович, насколько я вас знаю, выдающийся знаток военного искусства, однако ваши способности нынешним руководством Белого движения не востребованы. В свою очередь, добившиеся серьезных успехов белые генералы не более чем способные тактики. Вы видите выход из такого положения?

– Не вижу, – твердо ответил Сугорин. – Вся беда в том, что на протяжении более чем века в Русской армии господствовал негативный отбор. В результате уже в мировую войну армия вступила с отличными полками, посредственными дивизиями и плохими армиями.

Из старых командармов, слава богу, в белой армии нет никого. Ее вожди составились из начальников дивизий и полковых командиров. Поэтому они нередко добивались значительных успехов. Но ни один успех не стал победой. Так будет и дальше... Даже и любимый вами Слащев – как только блистательно выигранный им бой потребует стратегического развития, он закончится в лучшем случае оперативным коллапсом. И переходом к обороне на более-менее выгодном рубеже. А потом – тем, чем закончился прорыв Деникина к Орлу. Беспорядочным отступлением...

– Спасибо, полковник. Ваше мнение мы непременно учтем. И постараемся выйти из порочного круга. Вот, допустим, если в ходе развития спланированной Слащевым операции мы сначала... Ну, убедим Врангеля сделать то, что вы считаете необходимым, а потом... – Берестин остро отточенным красным карандашом показал на карте то, что придумал, сидя над планшетом своего компьютера.

– А что, – Сугорин с интересом и вдруг пробудившимся уважением посмотрел на Берестина. – Такой ход будет весьма неожиданным для обеих сторон... Если о нем раньше времени никто не узнает.

– Об этом мы позаботимся.

– Только учтите, господин генерал, у вас будет один-единственный шанс. Либо выйдет по-вашему, либо...

– А чтобы никакого «либо» не было, вот тогда-то здесь мы и введем в бой ваш батальон... – Берестин подробно изложил свой замысел.

– А теперь обсуждение считаю законченным. Вас, господин полковник, я прошу составить боевой приказ батальону, исходя из моего плана. Вы, капитан, на основе этого приказа займитесь практической подготовкой. Разбейте батальон на взводы и боевые группы, определите потребность в оружии и боеприпасах, проведите командирскую учебу на картах и начинайте тренировки личного состава. Срок – двое суток. В восемь ноль-ноль двадцать девятого доложите о готовности. Если возникнут вопросы – разрешаю обращаться в любое время.

– И еще, – добавил Берестин, вставая. – Если все пойдет, как я рассчитываю, придется вводить здесь обычаи и порядки японской армии. Чтобы выпрямить палку, надо ее перегнуть в обратную сторону. За малейшее неисполнение приказа и даже за неоправданную пассивность в боевой обстановке будем карать беспощадно, вплоть до отстранения от должности и разжалования... – Он чуть ли не с ностальгическим чувством вспомнил, как хорошо обстояло дело с дисциплинарными взысканиями на руководимом им под личиной Маркова Западном фронте.

– А еще у японцев есть хороший обычай. Там фельдфебель или унтер бьет солдата бамбуковой палкой, а потом предлагает объяснить, за что последовало наказание...

– И вы что же, думаете, что такие меры помогут?

– Господин полковник, – Берестин даже развел руками от полноты чувств, – вам что, мало всего пережитого и одной эмиграции, чтобы во второй еще раз на досуге порассуждать о роли сознательной дисциплины в гражданской войне? Удивлен, честное слово, удивлен вашей позицией... Ну, ничего, у нас еще будет время обсудить эту тему, а пока прошу вас вместе с капитаном подготовить схему действий батальона в предложенном мной варианте.

...Пока Ирина одевалась, Новиков спросил ее, сможет ли она не только разыграть роль целительницы, наследницы жрецов майя, но и внушить Врангелю некоторые истины, которые он должен будет счесть собственными, выстраданными мыслями.

– Боюсь, что нет. Я немного владею способами логического воздействия на собеседника, да и то не в полной мере. Берестина я сумела убедить сотрудничать со мной, а тебя вот нет, хотя мы с тобой были гораздо более близкими друзьями...

– Наверное, именно поэтому. – Новиков вздохнул, вспомнив о прошлом, виновато опустил глаза.

– Для этого тебе лучше обратиться к Сильвии. Она владеет невербальными методами внушения в совершенстве.

Пришлось Новикову разыскивать Сильвию в лабиринтах шести верхних палуб корабля. Благо, что он и без помощи Воронцова имел возможность получать нужную информацию.

Бывшая аггрианка встретила его на пороге своей каюты одетая по-домашнему, в джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами.

Если бы он не знал, то никак не смог бы заподозрить в этой женщине, похожей на американку из Северо-Восточных штатов, даму, на протяжении сотни лет принадлежавшую к наиболее аристократическим кругам Великобритании.

– Чем я обязана столь неожиданному и приятному визиту? – спросила Сильвия, скромно приопустив длинные ресницы.

«Ах ты, стерва рыжая», – беззлобно, скорее даже уважительно подумал Новиков, еще не зная о ее сговоре с Берестиным, просто чутьем профессионального психолога догадываясь о претензиях этой проигравшей, но не побежденной женщины на лидерство. Пусть пока даже в прекрасной половине их компании.

– Войти вы меня пригласите?

– Конечно-конечно, прошу меня извинить. – Она провела Андрея в тот самый холл, где позировала Берестину. Указала на глубокое кресло у камина.

– Что-нибудь выпьете?

- Спасибо, до заката солнца не употребляю. Разрешите говорить без преамбул?
- Пожалуйста. Случилось что-нибудь серьезное?
- Думаю, что пока нет. Просто не хочется тратить время на протокольные фразы, не нужные ни вам, ни мне.
- Возможно, так действительно будет лучше. А то даже странно получается – вы как бы негласный лидер здешнего общества, а мы с вами даже ни разу не говорили по душам...
- Наверное, это моя вина. Постараюсь ее загладить. Итак, Сильвия, вы действительно сознательно и чистосердечно решили стать членом нашего... э-э... коллектива? Вот черт, никак не могу избавиться от стереотипных выражений.
- У вас есть в этом сомнения?
- У меня лично нет. Но я хотел бы услышать ваш ответ.
- Если вам нужно это услышать, то да. Клятвы требуются?
- Клятвы – нет. А вот практическое подтверждение, пожалуй, потребуется. Сейчас мы с Ириной собираемся на ужин к генералу Врангелю. Постараемся обсудить с ним ряд важных вопросов. Прошу вас поехать со мной.
- С вами к Врангелю? – искренне удивилась Сильвия. – Зачем я вам? Подтвердить вашу близость к британскому королевскому двору?
- И это было бы невредно. А заодно удивить генерала красотой наших дам. Вы вместе с Ириной – достаточно яркая пара, согласны?
- Мы – это вы, она, я, и кто четвертый?
- Правильно. Четвертый нужен. Если это будет Берестин?
- Почему он? – насторожилась Сильвия, и Новиков, уловив ее эмоцию, подобрался тоже.
- Возможно, вы предпочли бы общество Шульгина, но для пользы дела я бы хотел представить Врангелю именно Алексея. Поскольку он должен занять должность главного военного советника.
- Ах, вот как, – в ее голосе послышалось облегчение, и Новиков сделал в памяти очередную зарубку. Будет о чем подумать на досуге.
- Согласны?
- Не имею оснований возражать. И это все?
- Почти. Вам придется сыграть еще одну роль – этакой роковой женщины, владеющей древними секретами врачевания. Неплохо бы вам надеть черный парик, подвести глаза, подкрасить губы бордовой помадой...
- Сильвия надменно вскинула подбородок.
- Уж если мне придется играть такую роль, я сама в состоянии подобрать подходящий образ...
- Ради бога, – поднял руки Новиков. – Конечно, не мне вас учить, это я так, исходя из вкусов текущего времени. Но в принципе вы согласны?
- Вы же сами сказали, что считаете меня членом своей команды.
- Отлично. Теперь дальше. Вы проводите сеанс лечения с помощью браслета, одновременно производя всякие пассы и бормоча заклинания... Но мне еще нужно, чтобы вы внедрили в подсознание пациента некоторые идеи. Что он действительно считает Берестина своим советником, настолько умным и авторитетным, что любая его рекомендация по кадровым и стратегическим вопросам должна приниматься не только без сопротивления, но и ценой конфронтации с любым другим генералом белой армии. И еще – чтобы любой сотрудник Врангеля, который попытается внушить ему недоверие ко мне, Берестину, Шульгину, вообще любому из нас, воспринимался им как агент большевиков или Антанты, мечтающий лишить генерала единственных верных и бескорыстных друзей...
- Сильвия, до того стоявшая перед Новиковым, опершись локтем о каминную полку и словно нетерпеливо ожидавшая, когда он выскажет все, что намеревался, и оставит ее в покое,

сейчас вдруг посерьезнела, опустила голову, подошла к креслу и села, положив на колени ладони со сплетенными пальцами.

– Знаете, Алексей, а ведь вы требуете от меня почти невозможного.

– Отчего же? Мне казалось, вы не останавливались и перед более радикальными вмешательствами... Не только в психику отдельной личности, но и в человеческую историю.

Сильвия сожалеюще покачала головой.

– Не так. Вы ведь знаете Ирину довольно давно?

– Восемь лет, с некоторыми перерывами.

– Ну вот. А позволила она себе хоть раз вмешаться в вашу психику, даже имея куда более веские основания? Когда вы не отвечали на ее чувства, когда отказались помочь ей в ее миссии, когда, наконец, нужно было спасти из временного сдвига вашего соперника Берестина?

– Вы все это знаете? – не смог скрыть удивления Андрей. – Преклоняюсь. Не зря вы занимали свой пост...

– Наверное, да. Так вот, она убеждала вас, как могла, страдала, унижалась даже, но внушать вам что-либо помимо вашей воли не сочла возможным. У нас это как бы категорический императив. Убить противника в случае необходимости допускается, но вторгаться в глубины его личности... Да что далеко ходить – Шульгина ведь мы хотели сломать, сами находясь уже в отчаянном положении, исключительно методами внешнего воздействия. Почему и проиграла...

– Тогда зачем вам вообще способности к невербальному воздействию?

– Исключительно для самообороны. На случай, если противник применит такие методы первым.

Новиков задумался. Чтобы собраться с мыслями, обвел взглядом холл, в котором оказался впервые. Хотя выглядел он достаточно сумрачно из-за темных дубовых панелей, мебели, обтянутой мягкой шоколадной кожей, персидских и афганских ковров кровавых оттенков, все равно чувствовалось, что хозяйка этого жилища – женщина. Витали здесь запахи изысканных терпких духов, стояли на полках разные безделушки, да и зеркал было многовато для такого помещения, обитай здесь чопорный джентльмен соответствующих интерьеру времен.

Разговор с Сильвией его озадачил. Плоская картинка начинала приобретать объемность. Раньше он думал, что только Ирина оказалась такой «человечной», прочие же аггры – монстры, какими их рисовал Антон. А вот теперь и Сильвия...

Надо придумать довод, способный ее переубедить. А то ведь беда – слишком много в его окружении появилось персонажей с принципами. Олег, эта инопланетянка... Кто следующий?

– Понимаю, – осторожно сказал он. – Но сейчас, по-моему, особый случай. Во-первых, стоит ли держаться за устаревшие принципы? Обстоятельства изменились довольно резко. Вы уже не резидент, обязанный соблюдать дипломатический протокол, а просто земная женщина, и вам следует исходить из этого. Мы теперь с вами люди одного клана, и интересы этого клана имеют приоритетное значение. Во-вторых, мое предложение не подразумевает вмешательство с какими-то враждебными целями. Планируемое мною внушение должно облегчить достижение жизненно важной для самого субъекта вмешательства цели и избавить его от опасного раздвоения личности... Так сказать – превентивная терапия. Вы должны это учесть, когда будете взвешивать «за» и «против».

Сильвия смотрела в пол, машинально покачивая ногой. Андрей изучал ее омраченное тяжелыми раздумьями лицо и вновь удивлялся, насколько не соответствует реальность нашим о ней представлениям. Как все было понятно в начале этой истории, и как все смешалось теперь. Даже на примере сидящей перед ним красивой женщины. Неужели всего месяц назад он воспринимал ее как смертельно опасного монстра?

– Я попрошу вас, Андрей, – наконец сказала она. – Оставьте меня на какое-то время. На час, на два... Потом я сама зайду к вам.

- Хорошо. Вы знаете мою каюту?
- Знаю.
- Тогда буду ждать. Имейте в виду, что генерал нас пригласил к восьми. Катер отойдет от трапа в семь.

ГЛАВА 6

Сильвия пришла вовремя. Новиков открыл дверь и буквально обалдел. Она не воспользовалась его советом и придумала себе совсем другой облик. Наверное, она знала лучше, как должна выглядеть жрица майя или еще какой-нибудь забытой цивилизации. Когда Андрей говорил с ней, он держал в воображении экстрасенсу (или экстрасенсорку?) типа пресловутой Джуны, а тут перед ним стояла красавица из легенд. Чьих? Возможно, даже атлантских.

Лицо и открытые выше локтей руки покрывал нежный, персикового оттенка загар. Пышные, цвета красного дерева волосы стягивал золотой обруч, украшенный сапфирами. И такого же сапфирового тона глаза с поблескивающими в них искрами сияли на ее невыразимо прекрасном лице.

Одета Сильвия была в свободную бледно-фиолетовую тунику.

– Потрясен, – только и сумел сказать Новиков, отступая в глубь каюты. Там ждала Ирина, тоже готовая к поездке, но ее туалет не мог соперничать с тем, который изобрела Сильвия.

Соотечественницы обменялись вежливыми полупоклонами и острыми, кинжальными взглядами.

– Генерал, конечно, будет сражен, но не слишком ли тяжело вы его контужите?

– Думаю, все будет в порядке. Я постараюсь, чтобы он воспринял меня должным образом. – Лицо Сильвии осталось почти неподвижным, шутку Андрея она как бы не поняла.

– Вам виднее. Только, пожалуй, вам стоит накинуть сверху какой-нибудь скромненький плащ. Нам же придется ехать через центр города, а там достаточно зевак.

– Хорошо, – коротко кивнула агтрианка. Почти тут же раздался гудок телефона. Берестин сообщал, что он уже на палубе и разъездной катер подан.

...Врангель, как человек, мыслящий рационально, решил подстраховаться и пригласил своего личного врача, статского советника Чуменко, сообщив лишь, что некий специалист по древним методам лечения обещает ему быстрое и радикальное исцеление от всех болезней.

Доктор внимательно посмотрел на генерала сквозь толстые стекла очков, побарабанил пальцами по подлокотникам кресла, вздохнул.

– Не смею вас отговаривать, Петр Николаевич, но лично я отношусь ко всякого рода знахарям крайне отрицательно. Если бы их методики имели положительный эффект, современная научная медицина просто не возникла бы. Даже самые могущественные владыки экзотических стран предпочитают лечиться у европейских врачей.

– Разделяю ваше мнение, Николай Валентинович. Однако сегодняшний э-э... сеанс будет иметь скорее дипломатическое, чем медицинское, значение. Поэтому я прошу вас сейчас же внимательно меня обследовать, составить подробное заключение, а также присутствовать при имеющей быть процедуре. После чего повторить осмотр...

– Ах, вот так? Хорошо. Особой необходимости в осмотре нет, я и так прекрасно осведомлен о вашем состоянии, но если вы находите это нужным... Я, разумеется, буду присутствовать и, если сочту необходимым, немедленно прекращу сеанс. А из каких краев целитель, позвольте полюбопытствовать? Из Тибета?

– Я и сам точно не знаю. Якобы откуда-то из Мексики...

– Не слышал, не слышал... Надеюсь, это будет забавно.

...К ужину Врангель намеренно не пригласил никого, кроме доктора Чуменко и генерала Шатилова с женой. Он не хотел, чтобы раньше времени по армии и тыловому «обществу» пошли ненужные разговоры. И убедился в собственной правоте, когда гости поднялись по парадной лестнице. Ирина, конечно, была очаровательна, но подобных женщин он повидал

немало на петербургских балах. На его вкус, там бывали красавицы и поэффектней. А вот Сильвия, когда сбросила на руки лакея плащ, ошеломила и Главнокомандующего, и Шатилова, и их жен. Только старый мизантроп-доктор сохранил самообладание.

Экзотическую даму он воспринял скорее как конкурентку и шарлатанку, нежели просто женщину. И, приложившись к ручке, вновь удалился в глубокий эркер, утонул в подушках обширного дивана и задымил папирсой, изображая полное безразличие. Однако к разговорам прислушивался внимательно.

Сильвия, по легенде, русским не владела, поэтому за столом сидела молча, и лишь когда беседа касалась каких-то уж очень интересных тем, Ирина исполняла для нее роль синхронной переводчицы на испанский. Когда мужчины выходили на балкон покурить, Берестин обсуждал с генералами практические вопросы. Благодаря сохранившейся у него памяти командарма Маркова, который участвовал в гражданской войне, а потом изучал и сам преподавал стратегию в академии имени Фрунзе, он легко убедил Врангеля в своей высокой квалификации.

Но и сам ужин, и застольные беседы были лишь прелюдией к главному номеру программы.

Часов около одиннадцати, еще раз уточнив у Новикова согласие пациента на участие в сеансе, Сильвия пригласила генерала в отдельное помещение. Врангель встал и наклонил голову, но выражение лица у него было такое, что трудно было понять, идет ли он на предложенную процедуру с удовольствием и надеждой или считает себя жертвой очередного розыгрыша.

За генералом, направившимся в малый салон, потянулись его доктор, жена, Новиков, как организатор всего этого дела, и последней – Сильвия, с отстраненно-сосредоточенным видом.

Комната была не очень большая, метров двадцать площадью, середину ее покрывал текинский ковер, вдоль стен стояло несколько кресел, две бамбуковые этажерки с книгами, пальма Хамеропс в кадке...

Из земли, как наметанным взглядом заметил Новиков, торчало несколько папиросных окурков. Это неожиданно вызвало у него теплое чувство – и его отец так делал иногда, если не успевала заметить и пресечь такое кощунство мать...

Он представлял себе, что сеанс, устроенный Сильвией, будет выглядеть примерно так, как их обставляли известные ему по Москве восьмидесятых годов знахари и экстрасенсы. Но она сразу же поломала традиционную схему.

Сильвия предложила генералу сесть в кресло у восточной стены, предварительно сняв черкеску с серебряным поясом и кинжалом. А также шейный крест ордена Святого Владимира.

Затем она извлекла откуда-то, скорее всего из рукава, несколько свечей, которыми окружила кресло генерала. Свечи вспыхнули словно сами собой.

Взмахом широко разведенных рук она заставила всех присутствующих опуститься на пол, кто где стоял.

От горящих свечей по комнате распространился густой, тяжелый, пряный запах, вызывающий головокружение и одновременно странную легкость в теле.

Новиков, готовый к подобным фокусам, внушению не поддался и успел заметить, как Сильвия застегнула на запястье генерала черный браслет-гомеостат. Это изобретенное агграми устройство обеспечивало своему носителю поддержание и стимулирование приспособительных реакций организма на уровне его генетической программы, устраняло воздействие любых факторов, нарушающих постоянство внутренней среды организма, гарантировало стопроцентную регенерацию тканей в случае механических, термических, химических и прочих повреждений.

В этом и заключался смысл лечения, все остальное должно было создать необходимое настроение и обстановку, подходящую для внушения.

Здесь Сильвия сумела себя показать. Ритмично двигаясь в подобии волнообразного, колеблющегося танца, обладающего, в дополнение к гипнотическому запаху свечей, собственным психологическим воздействием, Сильвия запела какую-то песню. Вернее, Андрей классифицировал как песню это сочетание высоких и низких диссонирующих звуков, подчиняющихся трудноуловимым закономерностям, совершенно чуждым человеческому, по крайней мере – европейскому, слуху.

Вьетнамская или китайская музыка в сопоставлении с этой казалась родной и понятной.

Сильвия то кружилась вокруг кресла впавшего в полную протрацию Врангеля, то замирала над ним, совершая немыслимой сложности пассы перед его полузакрытыми глазами.

Новиков с огромным трудом ухитрялся не поддаться воздействию этого камлания, которое, наверно, представляло из себя элементы культовых плясок аггров. Или с тем же успехом могло быть вполне рядовым танцем из репертуара тамошней самодеятельности.

Время остановилось. Когда сеанс закончился, никто из присутствующих не мог бы сказать, часы прошли или минуты.

Опять-таки, кроме Новикова. Да и он ощутил себя так, как бывает в болезненном полусне – вроде бы ты и бодрствуешь, и способен оценить свое состояние, и одновременно на трезвые мысли накладываются искажающие действительность то ли грезы, то ли бредовые иллюзии, после которых страшно вновь закрыть глаза.

Вдоль стены, стараясь не привлекать внимания Сильвии – а была ли в данный момент эта жрица неведомого культа знакомой ему Сильвией, – он переместился к окну и присел на подоконник, вдыхая струйку прохладного воздуха, сочащегося из-за приоткрытой створки.

Все оборвалось внезапно. Последний экстатический вскрик, уходящий в ультразвук, – и тишина. Присутствующие в комнате люди очнулись, как бы и не подозревая о только что случившемся наваждении. Похоже, что вообще они не заметили чего-то необычного и даже танца Сильвии не помнили.

Первым поднялся из своего кресла Врангель.

– И что же? В чем заключалось лечение? Свечи, запахи и три взмаха рук? – спросил он брюзгливым тоном. И вдруг замолчал, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Лицо его отразило недоумение. Он повернулся к доктору.

– Николай Валентинович... Вы знаете, я себя чувствую как-то иначе! Нет, в самом деле... – Он выпрямился, резко повел назад плечами, глубоко вздохнул несколько раз. – Совершенно другое ощущение. – Генерал провел ладонью по груди в области сердца. – Не давит. И дышать легко.

Врач скептически пожал плечами.

– Вдыхание многих курений и фимиамов способно вызвать эйфорический эффект. И обезболивающий. Не вижу в этом ничего удивительного.

Сильвия сидела в стороне, и Новиков видел, что она обессилела, полностью выложившись в действе, которое, как он раньше считал, не должно было стать более чем имитацией сеанса знахарской терапии. Наверное, все обстояло не так просто.

– Доктор, – обратился он к Чуменко. – Я бы на вашем месте воздержался от не совсем этичных высказываний. Хотя она вас и не понимает. Вы же коллеги, в конце концов. Кажется, речь шла о том, что вы должны засвидетельствовать состояние пациента до и после лечения. Так сделайте это. А потом сообщите нам свое мнение.

– Хорошо. В таком случае прошу оставить нас с генералом наедине.

Все, кроме генерала и доктора, вернулись к столу, но разговор, который попытались возобновить Новиков и Берестин, не получался. Не только жена Врангеля, но и все остальные словно бы прислушивались к тому, что происходит за закрытой дверью комнаты.

Наконец она открылась. Главнокомандующий выглядел бодрым и веселым, а врач – расстроенным.

Новиков поманил его пальцем, указал на стул рядом с собой.

– Прошу вас, не говорите сейчас ничего. Я знаю, что вас удивило. Но не делайте опрометчивых выводов. Мы с вами образованные люди и должны сохранять здоровый скепсис. Однако завтра повторите самый углубленный медосмотр. И если положение не изменится...

– А отчего бы нам не выпить вина, господа? – провозгласил Врангель. Андрей понимал его состояние. Когда сам он впервые испытал на себе действие браслета, ему тоже хотелось бегать, прыгать и совершать всякие несовместимые с возрастом поступки. Потому что впервые после раннего детства он ощутил тогда состояние полного телесного и душевного здоровья, остроту и яркость чувств, давно забытые, стертые серой повседневностью жизни и накопившейся в организме необратимой усталостью. Врангель, очевидно, из-за отсутствия привычки к рефлексиям не мог так четко определить случившиеся с ним изменения, но само изменение ощутил и отреагировал на него доступным ему образом.

Да и чему удивляться – на взрослого человека браслет действовал так, что после даже получасового воздействия пациент физически чувствовал себя, как Гагарин на последнем перед стартом медосмотре.

Причем, как начал догадываться Андрей, сам по себе браслет – не более чем «аптечка первой помощи», настоящее же лечение требует участия специалиста, роль которого исполнила Сильвия.

Доктор Чуменко жадно выпил большой бокал хереса.

– Нет, завтра я, конечно, проведу углубленное обследование. Рентген, все анализы, может быть, даже соберу консилиум. Но все равно это поразительно! У генерала исчезли отеки, нормализовался пульс, я не слышал шумов в сердце. А самое главное – шрамы! Два шрама пулевых и один осколочный... Они-то куда пропали? Вы должны помочь мне побеседовать с этой дамой. Как переводчик. Я, видите ли, только немецкий знаю, учился в Данциге...

– Это не беда, доктор. Мисс Си и по-немецки говорит свободно. Проблема только – захочет ли?

– Вы непременно должны это устроить. Это необыкновенно важно. Интересы науки...

– Хорошо, хорошо, я постараюсь, но вы должны обещать полную конфиденциальность. Нам не нужны лишние слухи, и к частной практике мисс Си не стремиться...

ГЛАВА 7

«Брак по расчету бывает удачным, когда расчет правильный», – вспомнил Новиков услышанную когда-то фразу. Его расчет тоже оказался правильным, и Врангель, наверное, проникся бы к нему абсолютным доверием и уважением даже и без вмешательства в его подсознание, только по результатам лечения. Слишком они были убедительны.

Своим здоровьем, как и жизнью вообще, Петр Николаевич не слишком дорожил, оно было нужно генералу как инструмент, обеспечивающий достижение главной цели – победы в войне. Теперь он этот инструмент получил и вновь мог, как во времена учебы в Академии и японской войны, сутками подряд работать с документами и картами, по многу часов не слезать с седла, бегом и с полной выкладкой подниматься на сопки.

И ощущать при этом лишь легкую, быстро проходящую усталость. После основательной командно-штабной игры, в ходе которой Берестин продемонстрировал и обосновал свой план летней кампании в Северной Таврии и ее стратегические перспективы, Врангель подписал приказ: «Зачислить Берестина Алексея Михайловича, российского подданства бригадного генерала Национальной гвардии САСШ, на службу в Русскую армию с производством его в чин генерал-майора со старшинством в сем чине с июля 30-го дня 1920 года. Назначить генерал-майора Берестина на должность генерала для особых поручений при Главнокомандующем...»

На совещание были приглашены командующий Первым армейским корпусом генерал Кутепов, Вторым корпусом – Слащев, конным корпусом – Барбович, братья генералы Бредовы: Бредов 1-й, Николай Эмильевич, и Бредов 2-й, Федор Эмильевич, а также начальник Корниловской дивизии генерал Скоблин. Все – люди интересные. Не только своими заслугами в гражданской войне и немалыми воинскими талантами, но и последующей (в ранее уже состоявшейся Реальности) судьбой. И Берестин наблюдал за ними со странным и сложным чувством. Каждый из них уже вошел в историю, их фамилии упоминались в энциклопедиях и сотнях беллетристических и мемуарных книг. Врангель и Слащев сами издали воспоминания и мемуары. И в то же время они сидят сейчас перед ним, переговариваются, спорят, часто курят, и ничего пока в их судьбах не решено. Невозможно даже представить, какая новая жизнь, какая слава или бесславие, какие чины и должности их еще ждут...

Вот Слащев Яков Александрович, тридцатитрехлетний генерал-лейтенант, гений тактики, куда там до него прославленному Жукову, не выигравшему ни одного сражения без пятикратного перевеса над врагом. Изображенный Булгаковым под именем Хлудова, заклеяженный в советской истории как «Слащев-вешатель», эмигрировавший, вернувшийся в Советскую Россию, амнистированный, преподававший в Академии РККА и при загадочных обстоятельствах в 1929 году убитый.

Кутепов Александр Павлович, последний командир славного лейб-гвардии Преображенского полка, вечный соперник Слащева, после эмиграции – преемник Врангеля и глава Российского Общевоинского Союза. В том же двадцать девятом году похищенный агентами ГПУ из Парижа, привезенный в Ленинград и тайно там расстрелянный.

Скоблин Николай Владимирович. В 1914 году добровольно пошел на фронт в чине прапорщика, корниловец, участник Ледяного похода, ныне – генерал-майор и начальник пресловутой Корниловской дивизии. В эмиграции входил в состав руководства РОВС, был завербован чекистами, участвовал в похищении из Парижа сменившего Кутепова на посту начальника РОВС генерала Миллера, бежал в Москву, где в тридцать седьмом году был без суда расстрелян.

Барбович Иван Гаврилович, командующий всей белой кавалерией, герой боев с махновцами, вечный недоброжелатель и соперник Слащева. Из-за его пассивности и бесконечных дис-

куссий о старшинстве и подчиненности был упущен последний шанс разгрома Красной армии под Каховкой. Эмигрировал, активно участвовал в деятельности РОВС, бесследно исчез. Скорее всего был убит агентами ГПУ.

Много интересного можно было бы рассказать и о других участниках этого совещания. Но это не важно сейчас, важно то, что эти люди вновь держали в руках судьбу России и свои собственные судьбы.

Врангель выслушал доклады генералов и приступил к постановке боевой задачи:

– Предупреждаю, господа, условием успеха этой операции, на которую я возлагаю величайшие надежды, является полная, абсолютная секретность. Ни единая душа, кроме здесь присутствующих, не должна посвящаться в ее общий замысел. Исполнители должны знать лишь свою непосредственную задачу. Как величайшей тайной является и та помощь, которую мы получили и еще получим от наших друзей из Северо-Американских Соединенных Штатов. Это уже высокая дипломатия. Касающаяся отношений между нашими так называемыми «союзниками».

Ни в оружии, ни в боеприпасах нужды отныне мы испытывать не будем. Но об этом не должно узнать не только красное командование, но и представители Англии и Франции. Надеюсь, всем все понятно... Теперь – непосредственно к делу...

В основу своего плана Берестин положил стратегию Армии обороны Израиля в шестидневной войне 1967 года. В условиях абсолютного превосходства противника в живой силе и технике успех могла обеспечить только точнейшая координация действий войск, стремительный маневр ударными частями по внутренним операционным линиям, тщательно разработанная система дезинформации противника.

А главное, учитывая психологию белых генералов, жесточайшая исполнительская дисциплина. С ней обстояло хуже всего. Как правильно заметил Новиков еще при первой встрече с Врангелем, армейские военачальники все время, наподобие бояр удельных времен, считались со старшинством, постоянно держали в памяти негласную табель о рангах, по которой подполковники, произведенные в чин Высочайшим указом, а ныне генерал-майоры, считали себя выше нынешних генерал-лейтенантов, но капитанов по царской армии. Независимо от занимаемых должностей.

Поэтому, когда Врангель объявил, что общее командование операцией возлагается на Слащева, генералы взроптали.

Главнокомандующий гневно ударил по столу рукой.

– Прекратить! Впредь подобную реакцию на мой приказ буду расценивать как неповиновение в боевой обстановке. С немедленным отстранением от должности. Генерал Слащев-Крымский (Врангель специально подчеркнул присвоенное ему за беспримерную оборону Крыма зимой двадцатого года почетное именование) является с сего момента исполнителем моей воли, и именно в таком качестве следует воспринимать возложенную на него обязанность. Для координации действий и наблюдения за неукоснительным исполнением боевого приказа я прикомандирую к штабу генерала Слащева генерала Берестина в качестве моего личного представителя. С правом незамедлительного принятия всех мер, которые он сочтет необходимым... Разумеется, окончательное утверждение его решений я оставляю за собой.

Внезапная вспышка начальственного гнева обескуражила генералов. Раньше барон себе такого не позволял, предпочитая более тонкие способы поддержания порядка. И последние его слова были приняты с угрюмым молчанием. Только Слащев удовлетворенно улыбался, но в глубине души тоже недоумевал. Он знал настороженное отношение к себе Главкома и не ждал, что тот пойдет настолько далеко навстречу его желаниям. Яков Александрович не слишком скрывал, что считает большинство белых генералов бездарностями и лишь себя видит в роли спасителя России.

Промолчали все, кроме резкого и грубоватого генерала Кутепова. Внешне очень похожий на Столыпина, только с более темными усами и бородкой, он звучно хмыкнул, машинально, а может, и намеренно провел ладонью по Знаку 1-го Кубанского похода – серебряный меч в терновом венце на Георгиевской ленте – и спросил утрированно подобострастным тоном:

– А не позволено ли будет осведомиться, в каких войнах и сражениях участвовал господин Берестин, за какие заслуги произведен в генеральский чин и отчего он служил в американской, а не Российской армии в столь тяжелые для Отечества годы?

Врангель хотел было ответить очередной резкостью, но Берестин кивнул успокаивающе:

– Я сам скажу. В причины, приведшие меня в американскую армию, вдаваться сейчас не будем, это вопрос сугубый. Чин же получил за участие во многих делах, начиная от Филиппинской кампании и англо-бурской войны. Смею надеяться, имею специфический боевой опыт именно в гражданских и партизанских войнах, например, в Мексике, где руководил операциями, которые можно приравнять и к фронтовому масштабу... Думаю, что в ближайшее время смогу это доказать. Но заодно, раз уж на меня возложены определенные обязанности, прошу сообщить потребности возглавляемых вами войск в оружии и иных предметах снаряжения. До начала операции нужно довести снабжение до штатных норм. И выплатить задолженность по жалованью.

...Поставив свой БРДМ на вершине заросшего густым кустарником кургана, Берестин через мощную стереотрубу рассматривал правофланговые позиции красных войск. Их расположение было нанесено на подробную крупномасштабную карту, но личная рекогносцировка все равно позволяла с гораздо большим эффектом провести предстоящий бой. Одно дело – значок на карте, обозначающий шестидюймовую батарею на позициях, и совсем другое – отчетливо видимые в угломерной сетке орудийные дворники, выложенные на землю снаряды для первых выстрелов, подъездные пути и командно-наблюдательные пункты.

Видно было также, в какой невыгодной позиции окажутся полки слащевского корпуса. С высокого правого берега красная артиллерия сможет их накрыть еще на дальних подступах к рубежам развертывания, сама оставаясь практически недоступной для огня полевых трехдюймовок. И, напротив, когда удастся захватить эту и остальные батареи армейской артгруппы, в безнадежном положении окажутся уже красные. Под фланговый огонь попадут части их 15-й дивизии, наведенные через Днепр мосты и полки двух переправившихся на левобережье дивизий.

«Это какая же у меня война? – думал Алексей. – Получается, что пятая. Не так уж я и врал генералам. Первая – это та, в которой участвовал лично как лейтенант Берестин. Вторая – та, на Валгалле, третья – Великая Отечественная, где я командовал Западным фронтом в теле командарма Маркова, и, наконец, четвертая, эта же самая гражданская, которую я помню памятью Маркова, тогда девятнадцатилетнего взводного в 11-й дивизии Первой конной. Или четвертая не считается? Но ведь помню я ее хорошо, как собственную молодость...» Пусть и привык он уже к парадоксам межвременных переходов, а все равно, когда начинал задумываться, вникать в тонкости, голова служить отказывалась. Как при попытках понять принцип действия компьютера. Но все равно, как бы там ни было, а он снова занимается делом, для которого, скорее всего, и создан. Зря, что ли, именно его выбрали аггры для осуществления своих планов?

С напарником ему тоже повезло. Сколько на него было навешано собак и врагами и «соратниками», а оказался он вполне нормальным человеком, даже – приятным собеседником. Издерганным, конечно, нервным сверх меры, склонным снимать стрессы вином и кокаином. Но равного ему все равно здесь не было.

Их стратегический замысел отличался простотой и даже примитивностью. Как известно, в первых числах августа двадцатого года Правобережная группа Красной армии под командованием Эйдемана форсировала Днепр и начала наступление в направлении Перекопа, имея

целью отрезать врангелевским дивизиям пути отхода в Крым и разгромить их в чистом поле. Контрудары Слащева предотвратили эту опасность и позволили удержать Северную Таврию, однако Каховский плацдарм ликвидировать не удалось. Бои за него продолжались до конца октября, после чего началось последнее, закончившееся взятием Крыма наступление Красной армии. Хрестоматийно, с детства знакомо, читано в талантливых и бездарных повестях и романах, изучалось на кафедрах тактики и военной истории. И совсем не так очевидно, как принято считать.

Проиграв варианты на своем компьютере, Берестин поразился, насколько близок был Слащев к победе и насколько осложнилось бы положение Советской России, сумей он убедить Врангеля в необходимости перенести центр тяжести летней кампании с Кубани на правобережье Днепра. Даже без вмешательства потусторонних сил (к которым он относил себя) белые могли бы удерживать фронт как минимум до весны, а за это время всякое могло бы случиться. Достаточно вспомнить Кронштадтский мятеж, восстание Антонова, Махновщину...

Вечером 31 июля они со Слащевым объехали на двух «доджах» расположение готовящихся к сражению войск.

Все, что видел Алексей, странным образом напомнило ему картины сорок первого года. Измотанные в боях полки численностью от ста до трехсот штыков, артиллерийские батареи с десятком снарядов на орудие, дивизии, равные батальонам, растянутые на семидесятиверстном фронте, отсутствие нормальной связи, абсолютно невыгодная местность. То есть воевать в таких условиях как бы даже и нельзя, бессмысленно, тем более что у противника огромный перевес в силе и, по идее, подавляющее моральное превосходство.

А вот Марков тогда же, но с другой стороны фронта, считал, что все наоборот – белые сильны, отлично вооружены, от пуза накормлены и горят жаждой перевешать всех рабочих и крестьян, вернуть себе дворцы и имения, вновь посадить на трон царя.

Нет, боевой дух солдат и офицеров, с которыми успел перекинуться парой слов Берестин, был высок на удивление. И еще он обратил внимание, что вопреки распространенным, не без помощи пресловутого графа Алексея Толстого, представлениям о белой армии, в некоторых полках офицеров не было совсем – только унтер-офицеры, рядовые и вольноопределяющиеся из гимназистов и студентов, кадеты и юнкера.

– Еще раз вас прошу, Яков Александрович, – сказал Слащеву Берестин, когда они возвратились в Черную долину, где сосредоточивалась предназначенная для нанесения главного удара корниловская дивизия, – выполняйте наш план с немецкой пунктуальностью. Упаси вас бог поддаться азарту. Нам нужно только одно – связать красных боем на намеченном рубеже, удерживать позиции до сигнала, контратаки только имитировать, в случае особенно сильного нажима – медленно отступать. И точно по моему сигналу поднять в атаку корниловцев. На связь я не совсем полагаюсь – сигналом будет серия ракет черного дыма с правого берега. Еще – старайтесь всемерно беречь людей. Даже один к десяти – для нас неприемлемая цена...

– Будьте спокойны, Алексей Михайлович, это-то я сумею сделать. Лишь бы у вас все получилось.

В голосе генерала Берестин уловил некоторое сомнение. Ударного батальона Слащев в деле не видел и не знал, можно ли рассчитывать, что тот успешно осуществит намеченное. Да и новоиспеченного коллегу он пока уважал только как теоретика. Грамотного, несомненно, и с характером. Еще Слащев оценил, что каким-то способом Берестин сумел раздобыть карту с полной картиной расположения и численности красных войск на утро сегодняшнего дня. На прямой вопрос тот ответил, что и у большевиков обычные люди служат. Одни до сих пор прикидывают, как все повернется, а другие любят деньги больше, чем коммунистическую идею...

У поваленной ограды заброшенного хутора немцев-колонистов их встретил худой, высокий, в заломленной черно-красной фуражке генерал Скоблин. Отрапортовал, подбросив к козырьку ладонь.

Корниловцы готовились к утреннему бою. От ближайшей железнодорожной станции Шульгин пригнал колонну грузовиков с оружием. Вначале намечалось вооружить ударный отряд карабинами «СКС», но в последний момент Алексей передумал. Все-таки промежуточные патроны образца сорок третьего года создавали дополнительные проблемы. В случае непредвиденного развития событий войска могли в самый ответственный момент оказаться безоружными.

Остановились на винтовках «СВТ». Скорострельность и емкость магазинов такая же, огневая мощь и дальноточность выше, и всегда можно воспользоваться трофейными патронами. Вдобавок в случае рукопашного боя винтовка с длинным ножевым штыком куда удобнее карабина.

Ящики с винтовками выгружали с машин, разносили по ротам, и тут же инструкторы из числа басмановских рейнджеров объясняли их устройство и приемы обращения. Опытным солдатам требовалось пятнадцать-двадцать минут, чтобы обучиться разборке, сборке и настройке газового регулятора. Со всех сторон раздавался металлический лязг и щелчки затворов, голоса задающих практические вопросы и обменивающихся мнениями людей.

Особого удивления новинка не вызвала, многие уже встречались с самозарядными и автоматическими винтовками Манлихера, Маузера, Мондрагона еще на мировой войне. Разве что обращали на себя внимание простота и отработанность конструкции. И, может быть, количество полученного оружия. Но это не те вопросы, которые могут взволновать людей накануне боя. Преобладала радость, вернее – злорадство при мысли, как удивятся «краснюки», попав под огонь, считай, что тысячи пулеметов сразу.

Берестин ходил между взводами и ротами, уже получившими оружие и американские суточные рационы в картонных коробках, где, кроме сбалансированного по жирам, белкам, углеводам и витаминам пайка в пять тысяч калорий, имелась даже туалетная бумага защитного цвета, такие же салфетки, по пачке сигарет «Лаки страйк» без фильтра и картонные спички. Еще было выдано по бутылке водки на троих, чтобы снять усталость после тридцативерстного марш-броска по выжженной солнцем пыльной степи.

Алексею казалось, что он попал в лагерь последних легионеров Рима. Какого-нибудь V или VI века, когда варвары уже сокрушили империю и разграбили Вечный город, когда неизвестно, есть ли вообще на престоле император, и воевать уже не за что, но и бросить оружие тоже невозможно.

Составив новые винтовки в козлы, солдаты сидели у разожженных из наскоро разломанных ружейных и патронных ящиков костров не ради тепла, а чтобы вскипятить в помятых котелках чай и просто так, бездумно смотреть на живой огонь.

Берестин не слышал разговоров о доме, семье, вообще о каких-то посторонних по отношению к войне делах. Грубые, почти лишенные остроумия шутки, воспоминания о боях, даты которых не имеют значения, все равно – Перемышль ли четырнадцатого года, озеро Нарочь шестнадцатого или хутор Верхнебаканский зимой двадцатого, вдруг всплывающие имена товарищей, павших в боях или бесследно сгинувших в круговерти жизни и подвалах губернских чрезвычайек.

Поношенное, разномастное обмундирование – редко на ком увидишь пресловутую, столь любимую кинорежиссерами черную с красными кантами форму, все больше добела выгоревшие и застиранные гимнастерки, кителя с обтрепанными обшлагами, разбитые сапоги, нередко – самодельные погоны с нарисованными химическим карандашом звездочками...

Ни на ком нет орденов – или потеряны, или спрятаны, завернутые в тряпочку, на дне вещмешков.

Люди – так ощущал витающую над расположением корниловцев ауру Берестин, – которые явно, решительно обрекли себя на смерть, давно разочаровавшись в жизни. Неизвестно, остались ли среди них те, кто плакал в восемнадцатом году над гробом генерала Корнилова, ужасался охватившему обе сражающиеся стороны кровавому озверению, стрелялся от бессмысленности происходящего, искал достойный выход из безвыходной ситуации... Алексею казалось, что вряд ли. Этим – уже все равно. Они будут сражаться с десяти-, стократно превосходящим противником, даже не надеясь на победу. Судьба против них? Отечеству и богу не нужен их подвиг? Тем хуже. Есть какая-то извращенная радость – назло Року погибнуть за безнадежно проигранное дело. Последние оставшиеся у них ценности – сознание своего боевого мастерства, спокойный фатализм, чувство фронтового товарищества и желание уничтожить врага, пока остаются силы и патроны в подсумках. Больше ничего – ни надежды уцелеть, ни планов на мирную жизнь, ни страха ранения и смерти.

Жутко... И вот что еще заметил Алексей, пройдя весь лагерь насквозь. Его словно бы никто вообще не воспринял как живого человека. Как будто бы и не было его здесь. Он оставался возле офицерских бивуаков, слушал их разговоры и песни, даже задавал кому-то вопросы, они на них отвечали – и тут же переставали видеть и помнить нежданного гостя.

Берестин вернулся к машинам, где ждал его закончивший раздачу оружия Шульгин. В небольшой ложбинке на склоне холма он разложил у задних колес «ураля» вынутые из кабины сиденья, открыл консервы, нарезал хлеб и помидоры. В дорожном холодильнике, кроме водки и пива, у него были припасены несколько бутылок «Боржоми», и Алексей долго и жадно пил ледяную пузырящуюся воду.

Небо на западе еще отсвечивало нежным зеленовато-розовым тоном, сильно пахло пылью, полынью, дымом костров и откуда-то, наверное с недалеких населенных хуторов, коровьим навозом.

– А где Слащев? – спросил Шульгин, когда Алексей отбросил в траву пустую бутылку и вытер губы, стряхнул капли воды с подбородка.

– Поехал на левый фланг. Обещал через час-полтора вернуться.

– Ну и как твои впечатления? – Шульгина, очевидно, занимали сейчас те же мысли, что и Берестина.

– Ты о Якове или вообще?

– Вообще.

– Если вообще, то Каховку мы завтра возьмем. И отбросим противника километров на пятьдесят, если не дальше. – Он непроизвольно избегал употреблять термины «красные», «большевики» и им подобные, словно переводя тем самым стоящую перед ним задачу в некую абстрактно-теоретическую плоскость.

– Что касается остального... – Берестин передернул плечами. – Бойцы они, конечно, запредельные. Я марковской памятью кое-что помню. Как такие же, как эти, двумя ротами сутки держали кубанскую переправу против нашей дивизии, притом неоднократно переходя в штыковые контратаки. Такой ерунды, как в кино, чтобы парадными колоннами на пушки и пулеметы переть, себе не позволяли. Так то же чужая память, а сейчас я наяву посмотрел. Что они после войны делать будут?

– Да, может, и ничего особенно. Дальше в армии служить, водку пить, в карты играть. Если победят – чего им горевать? Спасители отечества. Вьетнамские и афганские синдромы обычно после проигранных войн проявляются. Ты когда-нибудь слышал, чтобы у евреев после их войны что-то такое случалось?

– То шестидневная, а то шестилетняя...

– Брось. – Шульгин плеснул в серебряные стаканы водку. – Солнце село, теперь и выпить можно. Что касается евреев, так они тоже больше тридцати лет воюют, и весьма успешно. Четыре миллиона против ста миллионов окрестных мусульман. И нормально себя чувствуют. Но я не об этом. Ты со Слащевым обо всем договорился?

– Обо всем. Будешь при нем находиться, связь обеспечивать и следить, чтобы никакой самодеятельности...

– Нормально. Комендантский взвод при мне имеется, БТР с пулеметами тоже. И еще полмашины водки. Будет чем боевой порыв поддержать.

– Лишь бы у тебя получилось, – дословно повторил он пожелание Слащева. Берестину отвечать не хотелось, вообще не хотелось говорить ни о чем накануне решающего всю кампанию и вообще дальнейший ход здешней истории сражения. Вечер был хорош, воздух тих, на небе загорелись первые звезды, с корниловского бивуака донеслась негромкая песня. Голос певца звучал чисто, но слов было не разобрать.

– Ты вздремнуть не хочешь? – угадал его настроение Шульгин. – Еще всю ночь крутиться, и день будет долгим.

– Не тянет. Разлей еще грамм по сто. Так посидим, расслабимся. Похожая ночь вспоминается, на целине. Я еще курсантом был. С одной девчонкой тоже так вот на кургане сидели.

– Ну и? – с интересом спросил Шульгин.

– Ну и ничего. «Киндзмараули» из горлышка пили. Его там в сельпо навалом было, и никто не брал.

Простившись с Сашкой и генералами, Берестин проехал более пятидесяти километров на юг, вывел свою колонну в заранее намеченном месте на берег Днепра. Грузовики оставили здесь, а четырем БТРаи за три рейса на правобережье переправились сто человек рейнджеров с необходимым снаряжением.

За следующие полтора часа отряд поднялся на сорок километров к северу и незадолго до рассвета занял позиции, господствующие как по отношению к противоположному, низменному берегу Днепра, так и к тыловым позициям красных войск.

Сражение началось в десять минут седьмого. День обещал быть жарким в обоих смыслах.

В бледно-голубом утреннем небе лопнули, расплываясь желтоватыми облачками, первые шрапнели. Затрещали далекие пулеметные очереди, по огромной дуге боевого соприкосновения белых и красных частей хлопали винтовочные выстрелы, гулко рвались снаряды полевых пушек.

По понтонной переправе двинулись на левый берег густые колонны красной пехоты. Направление главного удара Эйдемана наметилось еще вчера – силами четырех дивизий он начал наступление в районе Черненька – Большие Маячки. Введя в бой свои главные силы, он вполне мог надеяться к исходу дня сломить сопротивление Слащева, разрезать белый фронт надвое и выйти на оперативный простор. От Перекопа и крымских перешейков их отделяло меньше сотни верст. Жуткий соблазн для большевистского командования – в три дня закончить невыносимо затянувшуюся войну.

Берестин продолжал наблюдать. Над его окопом была натянута маскировочная сеть, подпоручик с радиостанцией ждал приказа. В соседней ячейке устроился капитан Басманов, которому и предстояло начать акцию реванша. Оттуда доносились обрывки слов, тоже посверкивали стекла оптики.

Сражение разворачивалось классически. Как в кино. Колонны красных войск, силами не менее пятнадцати тысяч штыков, почти не встречая сопротивления, быстрым шагом, иногда переходя на бег, продвигались вдоль чаплинской дороги.

По самому шоссе пылили, угрожающе шевеля пулеметными стволами, двухбашенные броневики, не меньше дивизиона, скакали на рысях конные батареи, за ними телеги со снаря-

дами. Фланги наступающих войск прикрывали конные разъезды. Слева и справа от главных сил, теряясь в жаркой солнечной дымке, веером расходились пешие и конные отряды. Совсем далеко, за пределами видимости, все чаще и яростнее была артиллерия.

По всем теоретическим канонам, если исходить из численности и дислокации войск, а особенно из справедливости того дела, за которое сражались героические рабоче-крестьянские полки, белогвардейцам следовало бы сейчас начать планомерное отступление, переходящее в паническое бегство.

Очень это красиво смотрелось в свое время на цветном широком экране (кажется, в 1962 году, в фильме «Хмурое утро»), когда белые офицеры, непременно в новенькой, почти парадной форме, при орденах и с сигарами в зубах (откуда же сразу сигар столько набрали?), попытавшись испугать революционных бойцов психической атакой, вдруг попали под шквальный огонь красных батарей и в панике разбежались по голой степи, сотнями падая в красивых фонтанах взрывов. На самом же деле даже дураку, а не только кадровому офицеру, должно было быть ясно, что единственный в подобном случае тактически грамотный выход – развернуться в редкую цепь и взять батарейцев на штык. И любой подпоручик знал это с первого курса училища. Со ста или двухсот метров тут и делать нечего. Самая легкая пушка – не пулемет, против отважной и обученной пехоты она беззащитна.

Но пацаны в зале кричали «ура», свистели в два и четыре пальца, а потом расходились из кинотеатра, довольные торжеством справедливости. Ну, бог им судья, тем сценаристам и режиссерам. Сталинские и ленинские премии дороже абстрактно понятой правды жизни. Хотя Берестину, как человеку, самому не чуждому искусства, всегда было интересно – а вот Алексей Толстой, граф и великий советский писатель, он как, искренне писал то, что написал, или, наслаждаясь невысказанными для других в советской стране благами жизни, полученными от страшного режима, утонченно издевался над заказчиками и потребителями своей эпопеи? Особенно Берестина занимала та сцена, где сначала Рошин спасает переодетого в белогвардейскую форму Телегина, а потом тот, в свою очередь, собирается сдать в ЧК Рошина, заподозрив в нем белого шпиона. Так вот, искренне ли Толстой восхищался «новой моралью» Телегина, или таким образом замаскировал свое к переметнувшимся на красную сторону офицерам презрение?

Но сейчас обстановка на театре сражения выглядела несколько иначе. Редкие цепи белых, отстреливаясь, отходили на заранее намеченные рубежи. Несколько полевых батарей, оставленных для прикрытия, вели беглый огонь картечью. Время от времени отступающие слащевские полки переходили в контратаки, отбрасывали наиболее вырвавшиеся вперед красные части и снова начинали медленное, планомерное отступление. Какие-то фазы боя Берестин видел отчетливо сквозь стекла стереотрубы, какие-то просто угадывал в дрожащем солнечном мареве. Заметно было, что основной успех красные планируют на левом фланге, куда торопливо сворачивалидвигающиеся через два наплавных моста колонны полков Латышской и 51-й дивизий. Против восьми полков корпуса Слащева на левый берег уже переправилось 18 красных, и движение не прекращалось, а на очереди уже теснились для выхода на мосты еще несколько легких батарей.

«Вот он, мой Аркольский мост, – с яростным весельем подумал Берестин. – Не дали в сорок первом войну выиграть, так я вам сейчас покажу...»

Прославленный советской литературой бывший царский подполковник Карбышев очень грамотно организовал оборону каховского плацдарма. Не учел он только одного – что четыре шестидюймовые батареи красных, расположенные на господствующих высотах правобережья, южнее Берислава, могут быть захвачены с тыла. Пока что они без суеты и торопливости открыли огонь на больших углах возвышения. Их снаряды ложились за пределами видимости и, наверное, должны были предотвращать маневр резервами в глубине обороны белых.

Больше всего Берестина интересовал сейчас правый фланг. Там наблюдалось относительное затишье. Два или три полка 52-й дивизии красных продвинулись километров на пять и почти остановились, встретив упорную, усиленную большим числом пулеметов оборону корниловцев. Да, очевидно, они и не стремились к решительному успеху, имея задачей просто связать боем противостоящие им части. Это было хорошо, соответствовало замыслу Берестина и Слащева, но одновременно показывало и тактическую неграмотность эйдемановского штаба, фактически предварившего ошибку Тимошенко во время Харьковской операции 1942 года. Глубоко вклинившись в оборону противника, они просмотрели сосредоточение мощной ударной группировки у себя на фланге.

Отстранившись от окуляров стереотрубы, Берестин позвал к себе связиста. Вызвал по радио Шульгина.

– Привет. Доложи обстановку.

– Все пока нормально, фронт держим. Потери даже меньше плановых. Конный корпус Барбовича сосредоточение закончил. На левом фланге противник проявляет слабую активность. Огонь ведет сосредоточенный, но малоприцельный, без корректировки. Из района Любимовки наступают до трех тысяч человек пехоты при поддержке шести броневинов. Глубина вклинения в центре обороны километров пять. Но везде держимся. Когда планируешь начать?

Берестин посмотрел на часы, потом на карту в планшете. Картина сражения, по сравнению с той, что должна была бы сложиться в соответствии с «исторической правдой», отличалась настолько, что выходила уже за пределы случайных отклонений. Можно сказать, что «стрелка» уже переведена. Только пока неизвестно, в чью пользу. Если вдруг красные, усилив нажим, сумеют прорвать оборону второго корпуса, то сдержать их будет нечем. Все боеспособные части сосредоточены на флангах у самого берега Днепра. Свернув ударные дивизии в походную колонну, обеспечив их тылы за счет пока еще находящихся на правом берегу мощных резервов, уже завтра красные войска смогут выйти к Перекопу. А если наоборот?

– Начну прямо сейчас. Через десять минут исполни четыре выстрела одним орудием на следующих установках... – Берестин продиктовал данные угломера и целика. – После моей поправки дашь беглый огонь по пять снарядов из всех наличных стволов. И жди ракеты. Успеха, полковник!

– Тебе успеха, генерал! – Алексей снял фуражку, расстегнул китель. Из всего батальона он один был здесь в уставной форме Русской армии, и высоко поднявшееся солнце жгло его немилосердно. Вот еще одна загадка этого времени. Можно подумать, что люди здесь менее чувствительны к погодным условиям. Врангель в разгар лета ходит в суконной черкеске и папахе, офицеры – в шерстяных гимнастерках или кителях с высокими глухими воротниками. В такую же точно погоду пятьдесят лет спустя Берестин и его товарищи чувствовали себя более-менее нормально только в зеленых рубашках с короткими рукавами, а отстоять час или два на плацу в шерстяном кителе казалось египетской пыткой.

Он позвал Басманова.

– Принимайте командование, капитан. Теперь все шансы – ваши. Работайте по плану, а уж я – только на подхвате... – Берестин слегка кокетничал. Он все равно оставался командующим всей фронтовой операцией, но непосредственно здесь передавал власть Басманову, чтобы не отвлекаться на чисто тактические вопросы. Его полководческий опыт подсказывал, что захват батарей будет лишь началом. В ближайший час Эйдеман поймет смысл происходящего и бросит оставшиеся в его распоряжении резервы на спасение попавших в огневой мешок дивизий. И тогда здесь станет очень жарко.

У них с Басмановым план боя был намечен четко. И отработан на картах и макете местности. Стремительным ударом с тыла рейнджерам предстояло захватить тяжелые гаубичные

батареи красных и сразу же произвести мощный, а главное – совершенно неожиданный огневой налет по их наступающим войскам и предмостным укрепленным позициям.

Послышался шелест первого, идущего по высокой траектории снаряда, гулкий разрыв, и лишь потом донесся звук выстрела.

– Недолет, два больше, – опередил Берестина подсказкой Басманов, капитан гвардейской конной артиллерии. Ему, в отличие от Алексея, даже не нужно было задумываться. Поправки он выдавал автоматически.

Берестину осталось только сдублировать команду в микрофон. Следующие снаряды легли как надо.

– Ну, орелики... – Капитан сдернул с плеча ремень автомата, выпрямился на секунду на краю заросшего боярышником и терновником ската, чтобы его увидели изготовившиеся к атаке рейнджеры, взмахнул рукой и длинными прыжками рванулся вперед и вниз.

Батареи были взяты за несколько минут. Батальон Басманова потерь не имел. Да и откуда бы им было взяться, если оглушенные грохотом собственных пушек канониры ничего не понимали, даже когда непонятные люди в диковинных пятнистых одеждах и круглых железных шлемах, появившись неизвестно откуда, заполнили, беззвучно крича, орудийные дворики. Тычками автоматных прикладов, подзатыльниками и просто недвусмысленными жестами они стали сгонять их в ложбинку позади огневых, где прямо на землю были выложены снаряды первых выстрелов и штабелями громоздились ящики с полузарядами.

Пострелять басмановцам пришлось только на командном пункте артдивизиона, расположенном в полусотне метров впереди и правее огневых позиций, над самым днепровским обрывом. Скопившиеся там возле стереотруб и буссолей командиры батарей, штабисты и наблюдатели успели заметить непонятное шевеление на огневых, кое-кто опрометчиво схватился за наганы.

К Басманову подвели одного из пленных, белобрысого и курносого парня лет двадцати восьми, в отличие от рядовых обутого в хорошие сапоги и с большими часами на запястье.

– Ты кто? Комбатр, комдив? – спросил капитан, внимательно глядя ему в светлые глаза.

– Командир батареи...

– Дальше, дальше говори. Какая батарея, как фамилия?..

– Ничего я тебе не скажу, шкура белогвардейская. Стреляй сразу... – Видно было, что в горячке парень действительно готов рвануть на груди гимнастерку, подставляясь под пулю.

– Ну герой, герой... – не то одобрительно, не то насмешливо протянул Басманов и хлестко, открытой ладонью ударил артиллериста по щеке так, что голова у него мотнулась к плечу и он еле удержался на ногах.

– Смирно! Смирно стоять перед офицером! В старой армии кем служил? Бомбардиром, фейерверкером?

– Старший фейерверкер Новогеоргиевского крепостного гаубичного дивизиона Иван Петелин.

– Слава богу, опомнился. До конца боя будешь старшим на батарее. Сумеешь себя показать – про службу у красных забудем...

Петелин помолчал, глядя в землю.

– По своим стрелять не стану...

– Не станешь? – опять удивился Басманов. – По своим? Красные тебе свои, а мы кто? Может, немцы? Не в одной армии четыре года воевали? Смотри, мне с тобой возиться недосуг, Иван Петелин. Я сейчас прикажу тебя верхом на ствол посадить и пальну для пристрелки. Знаешь, что с тобой будет? Не человек, а бурдюк с дерьмом. Кожа целая останется, а все, что внутри, – в мелкие дребезги... Кости, мышцы, внутренности – все в кисель. Пять секунд тебе на размышление...

Под дулами коротких автоматов и рядовые бойцы, и их командиры дружно начали ворочать тяжелые лафеты, подносить снаряды, рассчитывать новые установки для стрельбы. Еще через десять минут восемь шестидюймовых гаубиц опустили свои кургузые толстые стволы и, подпрыгнув на окованных железными шинами деревянных колесах, выбросили первую очередь двухпудовых фугасных снарядов по готовящимся к маршу полкам вторых эшелонов 15-й, 51-й и 52-й дивизий. Остальные две батареи Басманов начал спешно разворачивать на север.

Ничего особенно странного в недопустимо предательском, по меркам более позднего времени, поведении артиллеристов не было. Гражданская война – война особая, и красные и белые широко практиковали зачисление в строй пленных солдат противника. В разгар боев другого способа пополнения войск зачастую просто не было. А иным «счастливым» довелось по три-четыре раза менять красную звездочку на погоны и обратно.

Тем не менее половину своих офицеров Басманову пришлось отвлечь на роль надсмотрщиков и конвоиров – приглядывать, чтобы не разбежались ездовые и подносчики снарядов, проверять, верно ли телефонисты передают команды корректировщиков, а наводчики устанавливают прицел. Сам капитан взял на себя командование дивизионом – больше некому было доверить. Стрельба одновременно по нескольким целям, с постоянно меняющимися установками целика и угломера требовала особой квалификации.

Берестин знал, что максимум через полчаса штаб правобережной группы опомнится, сообразит, что происходит, и бросит все наличные силы против захваченных позиций. А в его распоряжении едва полсотни автоматчиков и четыре БТРа.

...От тяжелого грохота бьющих беглым огнем гаубиц Берестин почти оглох, хотя до огневых было больше сотни метров. Повернув стереотрубу вправо, он видел, что укрепления красных войск на окраине Каховки затянулись дымом и пылью. Горит и хутор Терны, где, по его данным, должен был находиться штаб латышской дивизии. Одной батареей Басманов обстреливал дорогу, служившую главной коммуникацией наступающих войск, а второй вел огонь по площадям на подходах к переправам. В масштабах фронтовой операции – что такое две батареи, пусть и тяжелые, однако эффект их внезапного удара оказался несоизмерим с реальными потерями красных дивизий.

А со стороны Берислава второй час малоприцельно, но сосредоточенно били полевые трехдюймовки красных. С закрытых позиций они стрелять не умели, а на прямую наводку выдвигаться опасались, поэтому Берестин с Басмановым и могли держаться на захваченном рубеже. Однако шрапнели и осколочные снаряды время от времени до них все же долетали, и расчеты несли потери. Удивительное дело, но бывшие красные батарейцы, ввязавшись в бой, перестали думать о том, на чьей стороне они воюют. И под огнем своих бывших соратников вели себя неплохо. Два взвода рейнджеров, на которых была возложена задача обороны дальних подходов к левофланговой батарее, держались только за счет боевой выучки и огневого превосходства. Конечно, на тридцать пять человек, находящихся в линии боевого охранения, у них было шесть станковых «ПК» и двенадцать ручных «РПК», значительно превосходящих по своим тактическим возможностям пресловутые «максимы», и почти неограниченное количество патронов.

Но психологически было трудно. Известно, что финские пулеметчики на линии Маннергейма теряли самообладание от количества убитых ими советских солдат. Когда каземат дота выше щиколоток завален стреляными гильзами, и плавится уже третий запасной ствол «гоч-киса», а эти сумасшедшие все идут и идут густыми цепями по пояс в снег, выставив перед собой штыки никчемных винтовок, даже люди с сильным скандинавским характером начинали съезжать с катушек. Есть в любой войне предел, который нормальный, цивилизованный человек преодолеть почти не может. Здесь, правда, до такого пока не дошло, хотя заросшее

желтеющим бурьяном поле, сколько видел глаз, было покрыто застывшими в разнообразных позах телами красных бойцов.

Эйдеман (Роберт Петрович, латыш, царский прапорщик, двадцатипятилетний командующий Правобережной группой войск Юго-Западного фронта, в сорок лет комкор, в сорок два расстрелян как враг народа) еще не успел до конца понять сути происходящего, однако бросил, как это было принято в Красной армии, для отражения внезапной угрозы с тыла все наличные резервы, включая подготовленную для развития успеха стрелковую бригаду, охрану штаба группы и тыловики из обоза второй очереди.

Несколько батальонов пехоты и два эскадрона кавалерии, отважно бросившиеся в атаку, были полностью вырублены внезапным и шквальным пулеметным огнем в упор.

Следующий полк, увидев печальную судьбу авангарда, попытался отойти, неся чудовищные потери от беспощадно-снайперской стрельбы рейнджеров, но получил положенное изменникам пролетарского дела предостережение в виде длинных очередей заградотрядовских «МГ-18», изобразивших пунктирами пыльных фонтанчиков черту, переходить которую не рекомендуется.

Если кто-нибудь из зарывшихся носом в пыль красных бойцов еще имел способность соображать, то ситуация для размышлений об исторических и классовых предпосылках данной войны была самая подходящая.

Однако нашлись еще и еще вооруженные трехлинейками энтузиасты, которые, подчиняясь приказу и мечте об «экспроприации» последних, нагло засевших в Крыму со своими богатствами «экспроприаторов», надеялись пробежать версту по душной полынной степи и вцепиться в горло ненавистным «кадетам». (Причем никто из них, даже и умирая, не знал, что имеется в виду под этим словом – ученики среднего военно-учебного заведения или члены партии конституционных демократов.)

Басманову пришлось (а может быть – довелось) еще раз использовать лично им разработанный способ стрельбы на ricochets, не применявшийся с шестнадцатого года ввиду того, что маневренный характер гражданской войны и отсутствие в его распоряжении орудий подходящих калибров не предоставили капитану соответствующих возможностей.

Смысл же приема был в том, что у пушки (или, как сейчас, у гаубицы) с опущенным до предела стволом лафет поднимался на упор, хотя бы и из наскоро заполненных камнями патронных ящиков. Точка прицеливания определялась на два деления угломера меньше необходимой. И тогда двухпудовый осколочно-фугасный снаряд врезался в землю под очень острым углом, разбивая ударный взрыватель, успевал вновь, неестественно медленно, подняться в воздух и лопнуть как раз там, где требовалось. На высоте трех-четырех метров над головами атакующей пехоты.

Эффект был удивительный. Иногда одним снарядом сдувало в небытие целую роту штатного состава.

Сейчас, в отличие от мировой войны, по причине резкой убыли пушечного мяса, пехота ходила в атаки гораздо более редким строем и по фронту, и в глубину, но полсотни выпущенных Басмановым снарядов отбили у красноармейцев охоту наступать как минимум на час.

И позволили Берестину перебросить два взвода рейнджеров на крайний правый фланг, где обозначилось еще одно опасное направление.

Около батальона арьергарда 15-й дивизии, заканчивавшей переправу, каким-то начальником, самостоятельно понявшим смысл происходящего, было развернуто фронтом на запад с задачей уничтожить прорвавшегося в тыл неприятеля.

Удивительно, но Алексею, вроде бы полностью осознавшему себя как чистого профессионала, вдруг стало искренне жаль этих дураков, карабкающихся вверх по крутой, ограниченной справа откосом, а слева глубоким оврагом дороге.

О чем думали взводные и ротные командиры заведомо обреченного батальона? Что против их сотни штыков у белых не найдется ничего, кроме нескольких наганов? И, стреляя из пушек, они понятия не имеют о так называемом боевом охранении?

Со стометровой дистанции залп пяти пулеметов производит тот же эффект, что и хорошо отбитая коса на росистом лугу.

«Карма, – сказал себе Берестин, сняв фуражку и вытирая ладонью потный лоб. – Любой из них имел выбор. Пойти не к красным, а к белым. Дезертировать, стать махновцем... Как и я, впрочем».

У них с Басмановым нашлось время покурить, выпить полуостывшего кофе из термоса.

И снова с окраин Берислава начали выдвигаться пехотные цепи, на гребнях холмов завиднелись группы кавалеристов. Зашелестели в покрытом редкими облаками небе очередные шрапнели. Алексей сказал капитану:

– Я думаю, пусть те батареи продолжают беспокоящий огонь по левобережью. А главная опасность здесь намечается. И стрельба от вас потребуется снайперская. Красные пошли ва-банк. Сейчас нас сбить не успеют – труба им. Хоть один-то грамотный офицер у Эйдемана в штабе должен быть?

– Сделаем. Только снаряды кончатся. Штук по пятнадцать на ствол осталось...

– Прикажете паузу сделать, стволы остудить. Нам еще штурм переправ поддерживать придется...

– Если доживем, – блеснул зубами на пыльном лице Басманов.

...Из наскоро отрытых по склонам холмов ячеек остававшиеся на западном фасе обороны и возвратившиеся с днепровского откоса рейнджеры вели редкий, но точный пулеметный огонь по приблизившимся на километр, а кое-где и ближе цепям красной пехоты. Басманов, расстреляв все фугасные снаряды, приказал вскрыть передки и подавать к орудиям картечь – последнее оружие самообороны тяжелой артиллерии.

– Не пора, господин генерал? – спросил, спрыгивая в окоп, капитан.

– Сейчас. Свяжусь с Шульгиным, что он скажет.

Отвлекаясь на секунду от реалий ближнего боя, Берестин подумал, что интереснейшее у них получается сражение. Вполне сравнимое с Курской битвой по значению для судьбы не только летней кампании, но и всей войны. И удивительное смешение стилей. На правом фланге сосредоточен для сабельной рубки с кавалерией красных конный корпус Барбовича, на левом – готовится к атаке при поддержке самоходок времен второй мировой корниловская дивизия, здесь вместе с гаубицами прошлого века стреляют пулеметы и автоматы семидесятых годов.

Он нашел в эфире волну Шульгина:

– Ну, что там у вас, Саш? Мы тут с полчасика еще продержимся, и все...

– Я только что приказал Скоблину начинать. От его позиции до окраины Каховки десять километров. Будут атаковать с ходу, на «уралах»... Через пятнадцать минут увидишь.

– Тогда и я пошел! – Воткнул в зажим телефонную трубку, повернулся к Басманову: – С богом, Михаил Федорович!

Берестин поднял вверх ракетницу и нажал спуск. Взревев моторами, из капониров начали выбираться БТРы. Сначала они двинулись вдоль линии стрелковых ячеек, подбирая на ходу уцелевших десантников, потом развернулись и, набирая скорость, подпрыгивая на рытвинах, пошли на сближение с как раз подымавшейся в рост для очередного броска пехотой.

На башнях засверкали вспышки тяжелых «КПВТ», из бортовых бойниц потянулись отчетливо видимые даже при полуденном солнце трассы «ПК» и автоматов.

– Ну вот и все, судари мои, – процитировал Берестин любимую книгу. – Лишь бы на шальной снаряд не нарвались... – и отвернулся.

Вновь, как и при сцене расстрела в упор атакующего по каховской дороге батальона, он не захотел быть очевидцем.

Не слишком приятное зрелище даже для военного человека. Чрезвычайно похожее на то, что бывает, когда стая осатаневших от голода волков настигает в степи овечью отару. Пехотинцу на ровном месте от стремительной и верткой машины не убежать, а трехлинейка броню не берет...

Но и офицеров, водителей и стрелков он осуждать не мог. Это их война и их право.

С дивизионного НП они с Басмановым направили бинокли на левый берег. Со стороны Больших Маячков, таща за собой гигантские шлейфы рыжей пыли, показались мчащиеся на семидесятикилометровой скорости «уралы». Корниловцы теснились в кузовах, лежали на крыльях, облепили подножки. В километре от линии красных окопов машины начали тормозить. Остановились с крутым разворотом, сбросили десант и так же стремительно понеслись обратно.

Первый полк, на ходу примыкая к винтовкам длинные ножевые штыки, разворачивался в ротные колонны.

– Ах, черт, красиво! – выдохнул Басманов, наблюдая, как быстрым, переходящим в бег шагом корниловцы сближаются с полуразрушенным проволочным заграждением.

С фланга длинными очередями застучал «максим», нестройные хлопки винтовочных выстрелов показали, что и после артподготовки гаубичными снарядами в окопах кое-кто уцелел.

Но это уже было, как принято говорить в ультиматумах, «бессмысленное сопротивление».

Ничего страшнее штыкового удара корниловского полка Алексей в своей жизни не видел. Четыреста тех самых, обрекших себя на смерть офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся отчаянным броском преодолели последнюю сотню метров. За две версты был слышен слитный, ничем не похожий на хрестоматийное «ура» рев. На позициях первой линии они почти не задержались. Красноармейцы из окопов основной и предмостной полос обороны, бросая оружие, кинулись к переправе.

Берестин наблюдал за боем в полевой бинокль, стереотруба не давала возможности видеть его во всей полноте.

Да и можно ли было назвать то, что творилось на переправе и вокруг нее, боем?

Искаженные яростью лица корниловцев, взмахи штыков и прикладов, торопливый перестук выстрелов. Безжалостная мясорубка, в которой профессионалы высшей пробы столкнулись с неорганизованной, едва обученной держать в руках винтовку массой насильно мобилизованных новобранцев. Каждый из корниловцев знал, как и что он должен делать, и мастерство, помноженное на ненависть, в считанные минуты сломило даже подобие организованного сопротивления.

Красные бойцы готовы были бежать или сдаваться, но бежать было больше некуда, а пленных здесь не брали.

Спаслись только те, кто успел перевалиться через перила мостов, да вдобавок умел плавать.

И одновременно Слащев бросил в бой трехтысячный корпус Барбовича, развернувшийся в лаву за левым флангом 15-й стрелковой и латышской дивизий красных, наиболее глубоко вклинившихся в оборону 2-го армейского корпуса. Пути отхода к Днепру отрезали самоходки с десантом на броне.

К исходу дня победа была полной. Каховку заняли передовые батальоны тринадцатой дивизии генерала Ангуладзе. Первый и подошедшие второй и третий корниловские полки выбили неприятеля из Берислава и перешли к преследованию разрозненных и потерявших управление частей четырех красных дивизий, отходящих на Херсон. Окруженные на право-

бережье войска рассеялись по степи и сопротивления практически не оказывали. По предварительным данным, число пленных превысило 12 тысяч человек, и их колонны под конвоем казаков Терско-Астраханской бригады тянулись в сторону Перекопа. Который и был недавно их главной целью.

Возглавляемый Басмановым штурмовой отряд на трех БТРах (четвертый провалился в глубокую промоину и вышел из строя) в районе села Шлагендорф перехватил и полностью уничтожил спешно снявшийся с места штаб армейской группы Эйдемана. Самого командующего среди убитых и пленных обнаружить не удалось.

Берестин туда не поехал. Измотанные жарой и боем полки слащевского корпуса нашли в себе силы продвинуться километров на пятнадцать на север вдоль Днепра и на десять по херсонской дороге, после чего остановились. Не участвовавшая в дневном бою 4-я Кубанская кавдивизия (500 сабель) выслала дозоры еще на десять километров к северу и западу, но в боевое соприкосновение с арьергардами вступать не стала, увлекшись инвентаризацией сотен брошенных повозок дивизионных и полковых обозов.

В целях дальней разведки и бомбометания по отступающим колоннам были подняты в воздух все семнадцать исправных самолетов.

За час до заката Слащев приказал войскам прекратить наступление и вызвал к себе командующих корпусами, начальников дивизий и командиров бригад. А сам сел на крыльце мазанки со снесенной снарядам крышей писать победную реляцию Врангелю.

Потери его корпуса за день боя составили 619 человек убитыми и более двух тысяч ранеными. Батальон Басманова похоронил шестнадцать офицеров.

Когда Слащев сообщил Берестину эти данные, Алексей вздохнул:

– Многовато все-таки...

– Но мы ведь практически выиграли летнюю кампанию!

– Мало ли... Евреи за всю шестидневную войну потеряли чуть больше пятисот.

Арабо-израильская война шестьдесят седьмого года, как уже было сказано, еще с училца оставалась для него образцом стратегического и тактического искусства. Там небольшая, но великолепно обученная армия вдребезги разгромила соединенные силы трех государств, вдесятеро ее превосходящие численно и вдобавок поддерживаемые военной и политической мощью СССР.

– Какие еще евреи? – с недоумением вскинул голову Слащев.

– Самые обыкновенные. Иосифа Флавия читать нужно. «Иудейская война»...

Шульгин поливал Басманову на голую спину теплую воду из канистры, капитан фыркал, отплеывался и радостно ухал. Берестин подошел к ним и начал расстегивать свой пропотевший китель.

ГЛАВА 8

За три следующие недели обстановка в России изменилась разительным образом. Даже удивительно, сколь мало усилий для этого потребовалось.

Впрочем, почему же удивительно? На шахматной доске ведь не требуется вводить какие-то новые фигуры, даже не нужно бить партнера доской по голове, всего-то и следует, что немного подумать, должным образом разыграть миттельшпиль, и ситуация изменится сама собой. Алехин, как известно, умел и даже любил делать такие штуки – доведя противника почти до мата, поворачивал доску, начинал играть за него, восстанавливал положение, вновь ставил партнера на грань поражения и так далее... До трех раз и больше, пока на доске просто не оставалось фигур.

Вот и здесь получилось так же. За счет грамотных тактических решений и своевременной перегруппировки сил.

К исходу вторых суток после каховской победы три корпуса Русской армии совершили фланговый марш, частично по железной дороге, частично на автомобилях, и нанесли внезапный таранящий удар по северному фасу фронта, взяли Кременчуг, Славянск и Лозовую, вышли на ближние подступы к Полтаве. При этом батальон Басманова, действуя десятком диверсионных групп, заблаговременно перерезал линии связи, атаковал расположения дивизионных и корпусных штабов 4-й армии красных, взорвал железнодорожные и шоссейные мосты на основных путях сообщения.

Замешательство и дезорганизация в красном тылу были таковы, что началась стихийная эвакуация Харькова и массовый отход войск к границам Украины.

Но и тут Слащев и Берестин предприняли неожиданное решение. Следующий удар был спланирован от Александровска на юго-запад, на Николаев. Здесь войска вступили в повстанческие районы, где богатые хуторяне и немцы-колонисты уже целый год удерживали территорию от проникновения регулярных красных войск и продотрядов. Рассчитывать на их мобилизацию в белую армию было нереально, но должным образом поддержанные оружием и средствами, они вполне могли прикрыть фланг 2-го армейского корпуса от каких-либо неожиданностей.

На очереди была Одесса. Для этой операции Воронцов вместе с начальником штаба флота адмиралом Бубновым подготовил десантную флотилию в составе линкора «Генерал Алексеев», крейсера «Генерал Корнилов», трех эсминцев и транспорта с войсками.

Во второй половине августа занятая Русской армией территория увеличилась более чем втрое по площади и в шесть раз по населению. Мобилизационные возможности возросли еще значительно. По многим причинам. Во-первых, победоносная армия всегда имеет приток добровольцев во много раз больший, чем проигрывающая войну, во-вторых, очень многие успели пожить под коммунистической властью больше полугода, и даже те, кто еще зимой сочувствовал красным, теперь предпочитали умереть в бою, но не допустить их возвращения. В-третьих, Врангель начал активно проводить военную реформу. С прежней вольностью было покончено – отныне ни один военный служащий не мог добровольно подать в отставку или отсиживаться в бесчисленных тыловых учреждениях, которых в белой армии было больше, чем строевых подразделений.

Об этом еще в июне Слащев писал Главнокомандующему: «Приехав в войска, я застал 256 штыков, 28 орудий и при них 2 штаба дивизии и 1 штаб корпуса, укомплектованных полностью!»

Теперь с подобным положением было покончено, и в дивизии первой линии влилось около двух тысяч пополнения только офицерами.

Немаловажное значение имело и то, что на фронте жалование выплачивали золотом, по ставкам довоенного времени. Желающих заработать оказалось предостаточно. Почти две дивизии полного состава были переброшены пароходами из Трапезунда, Константинополя и с Кавказского побережья. По проведенным Берестиным вместе с Врангелем подсчетам, на 30 августа 1920 года численность Русской армии составила более 120 тысяч штыков и 50 тысяч сабель. С такими силами исход осенне-зимней кампании сомнений не вызывал.

Однако на почти чистом политическом небосводе внезапно обрисовались тучки угрожающего вида.

Представители Антанты, весь предыдущий год упражнявшиеся в благожелательной риторике и одновременно саботировавшие все мероприятия, способные хоть как-то облегчить положение изнемогающей армии, вдруг, при обозначившемся успехе, резко сменили тон.

Французский представитель адмирал Леже и английский – генерал Перси посетили Врангеля и передали ему плохо замаскированный любезными фразами ультиматум своих правительств. Смысл его был прост.

Немедленно остановить наступление, начать переговоры с московским правительством о заключении мира и установлении, на основе взаимного согласия, приемлемого для обеих сторон способа государственного устройства России. С соблюдением интересов объявивших свою независимость окраинных государств, демократических свобод для всех слоев населения, обеспечения созыва в ближайшее время Национального собрания, которое и определит форму правления в новой России и т. д. Кроме того, в случае непринятия данного предложения и сохранения претензий Правительства Юга России на правопреемство бывшей Российской империи союзные державы поднимут вопрос о немедленной выплате долгов и кредитов. В случае продолжения боевых действий союзные правительства предпримут блокаду всех портов и сухопутных границ участвующих в гражданской войне сторон.

У Врангеля, выслушивающего этот беспрецедентный по любым меркам ультиматум, побелели губы.

Стоявший за его правым плечом Новиков легонько тронул его за локоть.

– Соглашайтесь, Петр Николаевич, – прошептал он. – Только добавьте, что мы принимаем все условия, одновременно требуя созыва международной конференции по вопросу царских и нынешних долгов, а также решения судьбы отправленного в Германию по Брестскому миру золота.

Врангель не совсем понял, в чем смысл слов его советника, но послушно их повторил. После одержанных на фронте побед доверие его к Новикову и Берестину было безграничным. И еще – генералу очень хотелось вновь встретиться с очаровательной знахаркой.

– Второе, – продолжал суфлировать Андрей, – пусть они потребуют от большевиков демилитаризации прифронтовой полосы на пятьдесят верст. Создадут четырехстороннюю комиссию по соблюдению перемирия. В случае согласия Антанты на наши условия мы готовы завтра же приостановить наступление...

Генерал Перси, который до последнего времени относился к борьбе белой армии крайне сочувственно, а сейчас обязанный исполнять неприятное поручение, воспринял твердую позицию Врангеля как достойный для себя выход из нравственно сомнительной ситуации. И, невзирая на побагровевшего от возмущения французского представителя, начал в обтекаемых фразах выражать готовность передать мнение уважаемого Правителя своему премьер-министру.

– Вас же, достопочтенный адмирал, – обратился Врангель к француз, – прошу сообщить правительству республики, что мы готовы свою часть долгов выплатить незамедлительно, при условии подтверждения вами условий соглашения 1915 года о праве России на Босфор и Дарданеллы. Правительство Юга России Брестского мира не подписывало.

– Еще добавьте, – вновь зашептал Новиков, – что мы настаиваем на участии в конференции представителя Соединенных Штатов. Их позиция по отношению к большевикам бескомпромиссна...

Союзники покинули Большой дворец с гораздо худшим настроением, чем вошли в него полчаса назад.

– Великолепно, ваше высокопревосходительство! – поздравил Андрей генерала. – Недели две мы с вами точно выиграли. Пока они будут прорабатывать варианты, ждать ответов из Парижа и Лондона, торговаться с Москвой, мы как раз успеем выйти на рубежи, гарантирующие устойчивую оборону, и заодно решим махновскую проблему.

ГЛАВА 9

Впервые за две недели пассажиры «Валгаллы» смогли собраться вместе. Вернулись с фронтов Берестин и Шульгин, после завершения Одесской операции пришел в Севастополь на миноносце «Жаркий» Воронцов. Позволил Врангелю отдохнуть от своего постоянного присутствия Новиков.

В банкетном зале на шлюпочной палубе накрыли праздничный стол. Задувающий сквозь отдраенные с обоих бортов иллюминаторы бриз шевелил кремовые шторы. Женщины надели подходящие к случаю наряды. Что там ни говори, а война есть война, с нее не всегда возвращаются даже генералы.

У всех четырех героев посверкивали темным полированным металлом Кресты 1-й степени вновь учрежденного ордена Святителя Николая Чудотворца на широкой бело-сине-красной шейной ленте. Этой редкостной награды они были удостоены за выдающийся вклад в разгром врага. Поверх лаврового венка, окружающего образ святого, выгравирован славянской вязью девиз ордена – «Верой спасется Россия».

Шульгин поймал иронический взгляд Левашова и ответил на него неожиданно серьезно. Что расходилось с его обычной манерой.

– А зря, кстати, смеешься. Ты, помнится, какую-то кубинскую железяку получил за перевозки их солдатиков в Анголу, и ничего, носил. Так мы хоть свою землю помогли защищать, а не на чужой войну раскручивали. Тебе, кстати, такой же крестик полагается, только Андрей решил погодить, не давать Врангелю наградной лист на подпись, чтобы скандала не вышло. Он подпишет, а ты откажешься получать из рук палача трудового народа. Неловко выйдет...

– Правильно решили, – кивнул Олег, зачем-то разглаживая салфетку лезвием столового ножа.

– Видишь, – обратился Сашка к Новикову, – а я что говорил? – И снова повернулся к Левашову. – Зря, между прочим. Выдающиеся успехи в снабжении армии ты проявил, а кресты наши по номерам – из первой десятки. После победы обязательно за них потомственное дворянство дадут, а то и чего побольше. Жалеть будешь...

– Хватит тебе трепаться, – остановил его Андрей. Углубляющаяся трещина между ними причиняла ему душевную боль. С первого класса школы дружат, и вот, после всего...

– Ты, Олег, учти, – решил он свернуть дискуссию, – условий мы не нарушили, никто ни разу лично не выстрелил. А людей и с той и с другой стороны не меньше десятка тысяч спасли. Уже на сегодняшний день. Вспомни, какая мясорубка при штурме Перекопа была, а потом при эвакуации, а еще потом сколько расстрелов... Теперь же, возможно, все совсем иначе будет. И как бы оно ни повернулось, даже вооруженное принуждение к миру все равно гуманнее самой справедливой гражданской войны. Я не настаиваю, но сам прикинь, в каком случае жертв больше и кто из нас в историческом плане более виноват...

– Да ладно вам... – примирительно проронил Левашов. – Что вы никак не успокоитесь? Я же ничего не говорю. Давайте лучше поднимем бокалы за счастливое возвращение. Не стоят эти проблемы того, чтобы друзьям из-за них собачиться.

– Точно. Мы больше в этот мир вовеки не придем, вовек не встретимся с друзьями за столом, лови же каждое летящее мгновение, его не подстеречь уж никогда потом!

– Слава тебе господи, наконец-то! – С самого начала разговора настороженно переводящая взгляд с Левашова на Новикова Лариса облегченно вздохнула. – Все вроде умные мужики, а хер знает чем занимается... Действительно, лучше уж напейтесь как следует. И чтобы больше никаких разговоров о политике. Наслушались...

Разошлись по каютам за полночь.

– Тут без вас знаешь, что творилось, – говорила Ирина сквозь полуоткрытую дверь своей спальни, – совершенно женский монастырь получился. Ну, Лариска хоть на Олега время от времени отвлекалась, а мы вчетвером...

Новиков сидел, удобно развалившись в кресле, слушал ее болтовню и с интересом наблюдал за происходящим. Полотнище двери скрывало от него Ирину, но зато в высоком, почти до потолка трюмо, стоящем в глубине спальни напротив платяного шкафа, ее фигура отражалась полностью. Не подозревая о предательском законе оптики – «угол падения равен углу отражения», – она неторопливо переодевалась и вела себя при этом непринужденно. В дверце шкафа у нее было еще одно зеркало, и она вертелась перед ним, рассматривала себя то в фас, то в профиль, выбирала из многочисленных пеньюаров, халатов, ночных рубашек нечто, ей самой неведомое. Прикладывала их к груди, набрасывала на плечи и разочарованно отправляла обратно на полки. Не совпадало все это с ее подсознательной моделью.

В зеркалах ее творческие искания выглядели весьма увлекательно, интереснее, пожалуй, чем прямой стриптиз.

Андрей не был с ней наедине уже десять дней и сейчас с трудом сдерживался. Однако говорил ровным голосом, поддерживая светскую болтовню подруги:

– И что же вы вчетвером? Последовательниц Сафо изображали?

– Не можешь без гадостей? – Ирина сбросила белый кружевной бюстгальтер, закинула руки за голову, прогибаясь в талии, гордо повела высокой грудью безупречных очертаний. – Мы тут тоже политикой занимались. Только местного масштаба. Наташка с Ларисой свой комплект составили и поочередно то меня, то Сильвию в свой лагерь вербовали. Боятся, что мы с ней тоже объединимся...

– А им-то что? Даже если и объединитесь? Какие у вас точки противостояния? У них свои мужики, у вас свои. Или они рассчитывают еще и Берестина поделить?

Ирина, балансируя попеременно то на одной, то на другой ноге, стянула чулки, взялась за резинку кружевных панталончиков, но вдруг раздумала. Распустила прическу, побрызгалась духами из пульверизатора и, сокрушенно вздохнув – мол, не совсем то, но делать нечего, – надела через голову длинный, насыщенного цикламенового цвета пеньюар с кружевной пелериной. Звонко рассмеялась.

– Берестина? Так ты что, ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– Так Сильвия уже и его охмурила. Не знаю, как Лариска пронюхала, но клянется, что все железно... Он у нее ночевал, и не один раз...

– Нормально. А мне откуда же знать? У мужиков на такие темы говорить не очень принято. По крайней мере у воспитанных. Вроде нас.

Ирина вышла наконец в гостиную. Духи у нее были какие-то новые, с тонким эротическим запахом.

– И как же теперь с Сашкой будет, вы не анализировали?

– Что-нибудь будет. В конце концов, она ему не жена и обязательств никаких не давала...

– Это теория, а на практике опять проблемы. Не передрались бы под горячую руку... – Он привлек Ирину к своему креслу, посадил на подлокотник, положил ладонь на гладкое горячее колено.

Она, тоже соскучившаяся за время разлуки и обычно всегда очень охотно и даже сторичей отвечавшая на его ласки, деликатно, но решительно отстранилась, сдвинула колени и прикрыла их пусть и прозрачной, ничего не скрывающей, но все же преградой из текучей искристой ткани.

Андрей посмотрел на нее удивленно. Безусловно, что-то произошло. И ее предыдущие слова – просто не слишком удачный способ перейти к главному. Ему же ни о чем серьезном

говорить не хотелось. Хотелось поскорее увлечь Ирину в постель и потом уже ни о чем вообще не думать, хотя бы до утра.

Достаточно он потрудился для общего дела и истории, имеет право и на маленькие радости личной жизни.

Однако же... Новиков встал, пересел в другое кресло, напротив, чтобы не давили на психику запах ее духов и возбуждающая близость едва прикрытого тела.

– Ну говори, что еще у вас стряслось?

– Нет, Андрей, я правда не хотела до завтра тебя беспокоить. А сейчас подумала, что лучше сразу сказать, чтобы потом больше не отвлекаться. Волей-неволей мне с Сильвией общаться приходилось...

– Ты так говоришь, словно общение с ней для тебя представляет сложности. С чего бы теперь-то?

Ирина гримаской изобразила недоумение:

– Как будто не понимаешь. Как бы там ни было, она психологически остается для меня существом словно бы высшего порядка. Умом я понимаю, что никакой роли это сейчас не играет, а где-то в подсознании такое отношение сохраняется. Ну вот как для лейтенанта отставной генерал все равно остается чем-то таким... Но я не об этом сейчас. Мы с ней разговаривали, она женщина чрезвычайно умная и обладает многими недоступными нам талантами.

– Уж это я видел, – согласился Новиков.

– Не перебивай, пожалуйста. Так вот она мне позавчера сказала, что обстановка стремительно меняется, и далеко не в нашу пользу...

Андрей промолчал, но выразил свое отношение удивленным движением брови.

– Она вообще считает, что вы совершили ошибку, ввязавшись в войну. Вам на самом деле следовало бы укрыться в отдаленном уголке Земли и хотя бы несколько лет сидеть там тихо-тихо. Пока не сгладятся вызванные межвременным переходом и всеми предыдущими событиями возмущения Реальности.

– Чего же она сама обо всем не сказала? Еще до Стамбула, в океане, с изложением всех доводов, научно или хоть эмоционально обоснованных?

Ирина пожалала плечами, рефлексорным жестом попыталась плотнее закутаться в пеньюар, словно в каюте внезапно похолодало, а на ней не почти эфемерное одеяние, а как минимум байковый халат.

– Она считает, что это не ее дело. У вас с ней пока всего лишь перемирие, а не военно-политический союз. И раз вы ее победили, то сами вправе решать, что и как вам делать.

Андрей отметил, что Ирина сейчас вдруг начала говорить «вы», а не «мы». Скорее всего оговорка, но оговорка многозначительная. Все же она где-то на уровне инстинктов проводит грань между истинными землянами и собой.

– Допустим. Но это пока все так... Слова. Есть что-то конкретное?

– Конкретно Сильвия сказала, что вы... мы, – она наконец поправилась, – взбудоражили какие-то весьма могущественные силы, и земного, и не только земного происхождения. А Антон вам всей правды не сказал и по-прежнему только свои цели преследует...

Новиков внезапно догадался, о чем идет речь. Гиперреальность, к которой он самым краем сознания прикоснулся в тот последний вечер в Замке, когда Антон отправлял их сюда и давал прощальные наставления. И во время того краткого мига соприкосновения узнал, что имеет потенциальную возможность управлять ходом мировых событий не грубо физически, а словно перемоделируя их в воображении, как драматург и режиссер. Он не успел только понять, как именно это возможно, каков алгоритм входа в «пространство принятия решений».

И еще одна истина тогда ему открылась. Гипотетически возможны Реальности, которые он и Сашка Шульгин, может быть даже каждый из их компании (не зря же судьба свела вместе именно их, а не других каких-то индивидов), в силах смоделировать усилием воли, но не

смогут удержать. Если, создав их, войти в них, словно в сюжет и пространство кинофильма, то существует опасность провалиться сквозь собственный вымысел, как в пропасть сквозь снежный мост. Только неизвестно – куда. Теоретически допустим другой слой Реальностей, в которых можно существовать без всяких вроде бы усилий, но постепенно растворяясь в них, словно кубик сахара в кипятке, ибо нет там для людей ни почвы, ни материала, кроме того, из которого состоят их личности. Незаметная, но неминуемая деградация и развоплощение.

Но, как дано было ему узнать, существуют еще и Реальности, конгениальные именно им. В них можно плыть, как в морской воде над Марианской впадиной, или бежать, как по тонкому, но выдерживающему вес бегущего льду...

Дано было узнать, но не сказано, как сделать. Пользы от такого знания примерно столько же, сколько Робинзону, на острове которого обнаружился вертолет, а он имеет лишь смутные подозрения, что эта штука способна перемещаться в пространстве.

Но какое отношение ко всем этим потусторонним истинам имеет Сильвия? Или?.. Пришедшая ему в голову идея выворачивала наизнанку всю картину происшедших с ними событий. Но выглядела не более безумной, чем все уже случившееся.

– Она не сказала ничего насчет степени опасности и возможных сроков?

– Знаешь, из ее слов я поняла, что все, от нас зависящее, мы уже сделали, и теперь... Канат обрублен, – так она витиевато выразилась, – и теперь лодку несет течением. Далеко ли водопад – скоро узнаем.

– Ишь ты, прямо поэтесса. А о своей роли в грядущих событиях она не намекнула? Может, знает, где весла взять или подвесной моторчик?

– Сказала, что она в той же лодке. А так, как ты сейчас сформулировал, я спросить не догадалась.

– Это хоть немного, но утешает. Слушай, может, мне прямо сейчас к ней пойти? Дела-то и вправду серьезные, не зря у меня тоже душа все время не на месте была. Только я относил это на счет фронтовых забот.

– Вряд ли... Сегодня ей точно не до разговоров будет. И мы с тобой тоже, если со стороны посмотреть, странно выглядим.

– Точно. Как в анекдоте – жена смотрит в потолок и думает, не пора ли его побелить?

– Это я-то?

– Ты, ты, не я же начал. – Андрей мысленно махнул на все услышанное рукой. Уж как-нибудь до утра потерпит. Совсем идиотом нужно быть...

Ирина, правильно все поняв, потянулась к пультам встроенного в стенку бара музыкального центра, включила. Кассета была подобрана и вставлена заранее. С первого дня их встречи эта мелодия служила им и паролем, и катализатором. Новикову осталось только дернуть шнурок выключателя торшера.

В темноте, слегка рассеиваемой светящейся шкалой радиоприемника и разноцветными лампочками индикаторов, сплетались тоскливые и волнующие душу эмоциями давно минувших лет звуки тенор-саксофонов и кларнета.

...Ирина была не совсем права. В тот момент, когда она скользнула под пуховое, почти невесомое одеяло, Сильвия еще не спала и даже не занималась любовными играми с одним из своих поклонников. Более того, оба они находились сейчас в каминном зале ее каюты и наперебой развлекали даму. Внешне все выглядело вполне пристойно – только они трое не имели официально (де-факто или де-юре) признанных пар, и в то время, когда их более положительные друзья после парадного ужина разошлись «по домам», продолжали «холостяцкую пирушку». В Англии, конечно, Сильвия предпочла бы делать это в одном из клубов, подходящих для посещений особами ее круга, но здесь приходилось жить по русским обычаям, и она пригласила приятелей к себе.

Выставила на столик все необходимое, разрешила мужчинам курить и с удовольствием погрузилась в атмосферу остроумных шуток, тонких комплиментов и сдержанно-нескромных взглядов, скользящих по доступным обозрению частям ее тела.

Кроме всего, Сильвии было интересно, какой выход найдут Шульгин и Берестин из создавшегося положения. Рано или поздно бой часов и чувство приличия напомнят им, что пора и честь знать. Как решат они, кому остаться здесь, а кому уходить. Или уйдут оба, а вернется кто-то один? Или, наконец, этой ночью не вернется никто? Такой вариант был бы самым печальным, потому что она уже настроилась подарить себе «ночь любви». Если бы пришлось решать ей, она предпочла бы Алексея, но вмешиваться в игру случая не собиралась.

За проведенные на Земле сто двадцать лет Сильвия научилась извлекать удовольствие из самых неожиданных ситуаций. Вот, например, и сегодня – нечто вроде тотализатора или рулетки. А ее друг сэр Уинстон Черчилль, герцог Мальборо, говорил как-то, еще до Первой мировой войны: «Ситуацию мало уметь использовать, ее надо уметь создавать».

Шульгин, который попал в ее каюту на «Валгалле» впервые, заметил, что она очень напоминает своим интерьером лондонский особняк Сильвии.

– Более того, здесь он воспроизведен полностью. Со всей обстановкой. Спасибо капитану Воронцову, он предоставил мне такую возможность. К сожалению, не удалось перенести сюда главную особенность моего дома, но нельзя же требовать всего и сразу...

– Кстати, Сильвия, я хотел тебя спросить еще тогда, в Лондоне, когда фотографии рассматривал – что-то много на них попадаетеся дам, на тебя похожих. И еще в прошлом, скорее всего, веке, и в начале нынешнего. То в Индии, то в Африке, и на королевских приемах...

Сильвия рассмеялась звонко и весело.

– И ты, конечно, подумал...

– Подумал. Если наш друг Антон смог проработать на Земле со времен отмены крепостного права, так отчего же и тебе...

– Я такая старуха, по-твоему? И тебе не страшно со мной общаться?

И Шульгин и Берестин поняли, что она имеет в виду. Не испытываешь ли ты комплексов, ложась в постель с полуторастолетней красоткой?

Нет, Шульгин не испытывал. Все ж таки он был психиатр и психоаналитик и в Сильвии воспринимал прежде всего форму – прекрасное, гибкое, умелое, покрытое бархатистой загорелой кожей тело тридцати– (с небольшим) летней женщины. Содержание, впрочем, его тоже устраивало: умная, эрудированная, умеющая быть парадоксальной, решительная, бесстрашная, иногда – ну, что поделаешь, беспощадная к тем, кого считает своими врагами. И весьма темпераментная любовница. При чем тут возраст?

– Теперь я спрошу, – вступил в разговор Берестин. – Смысл и главное свойство вашего дома – то же, что и московской базовой квартиры, где я побывал? Вневременное убежище?

– Да, конечно! – Сильвия словно бы даже обрадовалась его догадливости. – Не в самом же деле я непрерывно прожила там больше сотни лет, если точно – сто восемнадцать. В реальности я жила ровно столько, сколько требовали обстоятельства. Иногда неделю в месяц, а иногда три дня в год. Благо, Англия чрезвычайно удобная для такого образа жизни страна. Частная жизнь – святыня. Никому и в голову не приходило интересоваться, где я бываю и зачем. Получив приглашение на раут, всегда можно удалиться к себе и, переодевшись, выйти из дома три недели спустя... А когда подходил возрастной рубеж, я уезжала в ту же Индию, благополучно там «умирала», оставив завещание, а в Лондон через год-другой приезжала моя «дочь» или «племянница» со всеми необходимыми бумагами...

– Интересно люди живут, – вздохнул Шульгин.

За вином и разговорами незаметно подошло время прощаться.

К разочарованию Сильвии, все произошло до крайности просто. Она ведь не знала предусматривающие такие коллизии правила российского этикета.

Шульгин, поднося к сигарете Алексея огонек зажигалки, чуть заметно ему подмигнул и коротким движением подбородка указал в сторону двери. Тот, не торопясь, докурил, аккуратно закруглил свою часть общей беседы и встал.

– Извините, что ломаю компанию, но вдруг вспомнил кое-что. Да ты-то чего подскочил, сиди, если не гонят, я бы тоже с удовольствием, да вот...

Сашка и Сильвия остались одни.

ГЛАВА 10

Новикову все же удалось уговорить друзей поближе познакомиться с жизнью местного общества. И однажды по-южному теплым вечером, напоминавшим такие же вечера где-нибудь в Ялте или Геленджике полвека спустя, они съехали на берег. Из татарских шашлычных доносился чад горящего бараньего сала, столики многочисленных кафе вдоль набережной, прикрытые пестрыми матерчатыми зонтами, все были заняты местными жителями и полуэмигрантами с Севера.

За чашкой кофе или стаканом крымского вина текли многочасовые беседы и жаркие споры о судьбах России и планах дальнейшей жизни. Не так уж сильно все это отличалось от реалий курортной жизни безмятежных семидесятых годов, если не вдаваться, конечно, в тонкости исторического момента и не обращать внимания на особенности мужских и дамских туалетов.

Заранее был заказан стол на веранде лучшего из приморских ресторанов «Виктория», откуда открывался прекрасный вид на Южную бухту, Корабельную и Северную стороны, Графскую пристань. Здесь не ощущалась утомительная духота и шум общего зала, не доносились раздражающие кухонные запахи, однако хорошо была видна сцена, на которой выступала с новой программой кабаре труппа, составленная из знаменитых в то время актеров императорских театров. Вынужденных волей обстоятельств изменить своим амплуа ради добывания хлеба насущного.

Программа, впрочем, была вполне хороша. Опять же применительно к обстоятельствам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.